

Н. П. СОРОКИНА

ТУЗЛИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

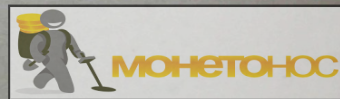
Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва 1957

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК XXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА—1967

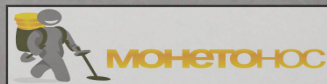
Н. П. СОРОКИНА

ТУЗЛИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Научный редактор А. П. Смирнов

БИБЛИОТЕКА
И Н В
1884

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА — 1957

В VI веке до н. э. ионийские греки основали на берегах Керченского пролива (Боспора Киммерийского) ряд городов, которые, объединившись, образовали в 480 году до н. э. Боспорское государство, просуществовавшее около тысячи лет.

На протяжении большей части V века до н. э. Боспорское государство, или Боспор, представляло собой объединение прибрежных греческих городов. Однако в IV веке до н. э. экономически окрепшее государство все больше расширяет свои границы, включая значительные территории на Керченском и особенно на Таманском полуостровах. В результате Боспорское государство из греческого превратилось в греко-варварское. Синдо-меотские племена, населявшие Таманский полуостров, Нижнее Прикубанье и Восточное Приазовье, стали важной экономической силой в рамках единого государства. Несомненно, что расцвет Боспора в IV—III веках до н. э. был в значительной мере обусловлен большими экономическими возможностями Синдики (Азиатский Боспор) и прежде всего широким производством там хлеба.

Синды и меоты начали проникать в греческие города, их племенная знать стала постепенно вливаться в рабовладельческую боспорскую аристократию. Одновременно происходило активное взаимодействие греческой и синдо-меотской культур. Греческие горожане воспринимали некоторые обычаи местных народов, и, наоборот, синды обогащались достижениями греческой культуры. Высокий уровень социально-экономического развития синдов, у которых было создано государство в V веке до н. э., ранние связи с греками способствовали влиянию на них передовой для того времени греческой культуры. Результатом явилась сильная эллинизация синдов, которая, однако, не разрушила полностью их самобытного культурного развития.

Синды оставались в составе Боспорского государства до конца его существования. Тем не менее многие важные вопросы истории Азиатского Боспора (Синдики), экономической и культурной жизни его населения до сих пор остаются мало известными.

Наши знания по истории античных государств Северного Причерноморья, в том числе Боспора, основываются на античных письменных источниках и археологическом материале. Однако очень важные сведе-

ния, которые можно почерпнуть из произведений греческих и латинских писателей, касающиеся Северного Причерноморья, довольно скудны, и поэтому большое значение приобретает вещественный археологический материал. Раскопки городов, поселений и их некрополей позволяют судить о быте, ремеслах, строительном деле, торговле, религиозных представлениях, этническом составе населения и других сторонах жизни общества.

Исследование Тузлинского некрополя, значительная часть материалов которого находится в Государственном Историческом музее (ГИМ), преследует цель расширить наши сведения о древней Синдике. В работе особое внимание уделено сложному вопросу об этническом составе населения, оставившего некрополь, и в связи с этим выявлению синдских и меото-сарматских черт в обряде погребения, которые в отличие от греческих еще недостаточно изучены.

Работа над материалом Тузлинского некрополя дает возможность судить и о поселении, с которым он был связан, пролить свет на экономическое и культурное развитие его населения.

Тузлинский некрополь, состоящий из курганных и грунтовых могил, расположен в северо-западном углу Таманского полуострова, около мыса Тузла, на берегу Керченского пролива.

Впервые исследование некрополя было произведено в 1852 году К. Р. Бегичевым, а в 1885—1886 годах — Ф. И. Гроссом¹. Они раскапывали в основном курганы, так как в них обычно находили золотые и другие ценные вещи, интересовавшие в то время археологов. Дневников с точным описанием открытых памятников, указанием их количества и места раскопок К. Бегичев и Ф. Гросс не вели, и поэтому результаты раскопок в отчетах изложены очень суммарно и научное значение этих исследований невелико.

В 1900 году раскопки некрополя произвел К. Е. Думберг². Однако о результатах его раскопок в отчете не сказано, вероятно, потому, что им были найдены только ограбленные гробницы.

Самые большие раскопки здесь были проведены В. В. Шкорпилом, открывшим в 1911 и 1913 годах свыше 140 могил. Отчет о работах за 1911 год опубликован им полностью, а за 1913 год — в общих чертах, с перечислением только наиболее интересных вещей³. Открытые В. В. Шкорпилом могилы, относящиеся к VI веку до н. э. — IV веку н. э., дали материал, позволяющий достаточно полно характеризовать некрополь на протяжении всей его истории. Однако большим недостатком отчетов В. В. Шкорпила является отсутствие в них чертежей могил.

Не менее важны раскопки В. Н. Глазова. В 1913 году им было открыто 21 погребение VI—III веков до н. э., а в 1916 году — три погребения первых веков н. э. К его неопубликованному отчету приложены схематические рисунки некоторых погребений и общий план могил, раскопанных им и В. В. Шкорпилом в 1913 году⁴.

Позднее раскопки некрополя уже не имели такого широкого масштаба. В 1914 году В. В. Соколов раскопал два погребения первых веков н. э.⁵ В 1940 году директор Таманского музея А. Г. Остроумов доисследовал случайно открытую разграбленную каменную гробницу, относящуюся к первым столетиям⁶ нашей эры. В 1951 году отряд синдской экспедиции ИИМК Академии наук СССР раскопал три земляных склепа I—II веков н. э.⁷

Тузлинский некрополь подвергался на протяжении XIX и начала XX века систематическим хищническим раскопкам, которые нанесли боль-

шой вред его изучению. Кладоискательство на Тамани приняло широкие размеры, особенно в 1906 году⁸. В. Н. Глазов так рассказывает об одном факте разграбления гробницы: «На Тузле произошел обвал берега и обнажилась незаполненная землей катакомба, стены которой были выбелены известью. В катакомбе были найдены стеклянные вещи — бальзамарии и кувшинчики. В катакомбе стояло в два ряда шесть деревянных гробов, украшенных резьбой и раскрашенных краской. Костяки лежали в них в шелковых узорчатых одеждах. Грабители все это истоптали, а гробы выбросили в море. Один из грабителей достал куски одежды и продал их в Керчь за 25 р.»

Большая часть выкопанных в этом некрополе грабительским способом вещей погибла, и только лучшие из них, такие, как расписные и стеклянные сосуды, золотые изделия, монеты, надгробия, кладоискатели сбывали торговцам древностями, или их скупали для Археологической комиссии работники Керченского музея. Эти вещи, не имевшие точного паспорта, теряли ту ценность, которую имеют вещи, найденные при научно поставленных раскопках.

Большие разрушения Тузлинскому некрополю причиняло море. После осенних штормов и обвалов подмываемого обрыва часто находят разбросанные человеческие кости, обломки керамики и даже целые сосуды⁹.

Археологическая комиссия в свое время распределяла вещи из раскопок этого некрополя между Эрмитажем, Московским Историческим¹⁰, Керченским и Одесским музеями. Таким образом большая и наиболее ценная коллекция из раскопок В. В. Шкорпила была разрознена. Ее часть, хранившаяся в собрании Керченского музея, сильно пострадала во время Отечественной войны 1941—1945 годов: многие вещи утратили свои паспорта или погибли. Поэтому разрозненные комплексы вещей из каждой могилы полностью восстановить оказалось невозможным. Особенно заметно отсутствие металлических вещей: фибул, пряжек, предметов вооружения, а также глиняных и стеклянных сосудов I—III веков н. э.

Все вещи из раскопок В. Н. Глазова хранятся в Эрмитаже. К сожалению, этот исследователь, не придавая значения простой керамике, не собирал ее. Об этом он писал в своем отчете. Из-за этого могильные комплексы вещей из раскопок В. Н. Глазова тоже не являются полными.

Все вещи из раскопок 1951 года хранятся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Однако склепы, исследованные в этом году, были ограблены в древности и всего набора могильного инвентаря из них мы также не знаем. Вот почему иногда трудно точно определить дату погребений.

Из Тузлинского некрополя нам известно 177 могил: из них 9 — VI века до н. э.; 41 — конца VI—V веков; 43 — V—IV веков; 38 — IV—III веков; 2 — II—I веков до н. э.; 17 — I века до н. э. — I века н. э.; 20 — I—III веков н. э.; 7 могил не поддаются датировке.

В следующих главах мы рассмотрим погребальные сооружения, погребальный обряд и инвентарь этого некрополя¹¹.

Глава I

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД VI ВЕКА ДО Н. Э.

Некоторые погребения, относящиеся к VI веку до н. э., были разграблены, и поэтому невозможно точно учесть их количество. Нам известны, как уже говорилось, 9 могил того времени, раскопанных В. В. Шкорпилом. Форма их однотипна: это прямоугольные земляные ямы, перекрытые досками и имеющие различного рода засыпку: морскими раковинами¹; песком и раковинами²; песком и морской гравой, то есть камкой³; камкой и устричными раковинами⁴. Последний род засыпки наименее характерен. Она известна только как засыпка одной могилы.

Глубина могил от поверхности почвы небольшая: от 0,60 до 1 м; глубина самих могил от 0,49 до 1,17 м; длина — от 1,70 до 2,21 м; ширина — от 0,40 до 0,90 м. Они содержали исключительно труположения. Преобладало положение покойного головой на восток и северо-восток. Только в одной могиле (168 (123) Ш. 1911) была отмечена юго-восточная ориентировка. Все покойники были положены на спину с вытянутыми вдоль тела руками.

В каждой могиле находилось только одно погребение⁵, причем в 7 могилах покойники были положены непосредственно на земляное дно могилы, а в одной был найден гроб. Однако при погребении покойного в гробе, как об этом свидетельствует могила 2 Ш. 1913, дно могилы также выстилалось камкой. На дне этой могилы вдоль ее узких сторон для ножек гроба были вырыты канавки различной глубины (0,24 и 0,40 м) и ширины (0,15 и 0,39 м).

Погребальный инвентарь состоял преимущественно из глиняных сосудов, реже — бус и туалетных принадлежностей из бронзы. Число предметов в могилах колебалось от одного до шести. Мелкие сосуды типа плоскодонных арибаллов, асков ставились большей частью в области плеч и рук. Крупные, такие, как, например, остродонные и плоскодонные амфоры, ойнохои (сосуд для вина), — около ног. В руку покойного не вкладывали никаких предметов. Бусы, сделанные из лигнита и прозрачного стекла, найдены около шеи покойных в трех могилах⁶.

В одной могиле⁷ обнаружено бронзовое зеркало диаметром 0,15 м, снабженное деревянной рукоятью, от которой остался только тлен. Оно лежало на толстом слое морской травы за левым плечом.

Керамика представлена разными типами сосудов различных центров производства. Самая многочисленная группа — это ионийские сосуды рубежа VII—VI и VI века до н. э.

К ранним образцам родосско-ионийской керамики относятся два килика (сосуды для вина) с орнаментом, состоящим из полосок и точечных розеток (рис. 1, 1, 2). Находки в Средиземноморье и Северном Причерноморье⁸ помогли установить дату этих киликов — конец VII — первая половина VI века до н. э.

К более поздним образцам этой же группы принадлежит расписная тарелка, найденная в могиле 66 (21) Ш. 1911. Форма сосуда и роспись аналогичны родосской керамике VI века из Средиземноморья⁹ и Причерноморья¹⁰. Однако схематичный характер росписи свидетельствует, что тузлинская тарелка относится ко второй половине VI века (табл. 6, 1).

К керамике, которую большинство исследователей склонны считать милетской, относятся три амфоры, украшенные в верхней части тулова изображением животных и внизу линейным орнаментом (табл. 1 и 5). Они датируются первой половиной VI века до н. э.

Другие амфоры, изготовленные, по-видимому, в иных ионийских центрах (например, в Дафнах), относятся к 560 году (табл. 2), середине (табл. 3) и концу второй половины VI века (табл. 4). Это прекрасные образцы ионийской продукции. Каждая из этих амфор послужила темой специального исследования, в котором по возможности определены место и время их изготовления¹¹.

Кроме того, ионийская керамика представлена рядовыми сосудами, в большинстве своем киликами с полосатым орнаментом, широко распространенными также в Средиземноморье¹² и многих центрах Северного Причерноморья¹³, где они встречаются вместе с керамикой первой¹⁴ и чаще второй половины VI века¹⁵ до н. э.

В некрополе у мыса Тузла были найдены килики двух типов: первый тип — это килик с глубоким вместилищем, с немного отогнутым верхним краем и высокой конусовидной ножкой, полый внутри. Снаружи он покрыт широкими полосами темно-коричневого лака (рис. 2, 3; табл. 8, 1). Второй тип — это килик на низком кольцевидном поддоне и с отогнутым краем. Снаружи он тоже украшен широкими полосами темно-коричневого лака (рис. 1, 3). Килики такой формы сохраняются, по-видимому, и в V веке до н. э. (рис. 2, 1), однако полосатый орнамент на них исчезает и снаружи они целиком покрыты коричневым лаком. Встречаются и другие разновидности киликов второго типа.

Второй тип киликов встречается чаще, чем первый, и не только в Тузлинском некрополе, но и в Гермонасском. В Северном Причер-

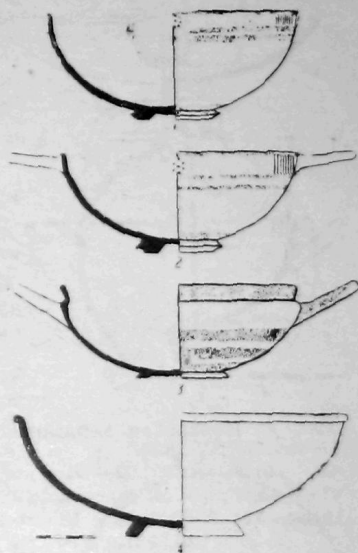

Рис. 1. Ионийская керамика: 1, 2 — килики; первая половина VI века до н. э. (могила 2 Г. 1913); 3 — килик (Ш. 1913); ГЭ; 4 — чаша (могила 21 Г. 1913); ГЭ.

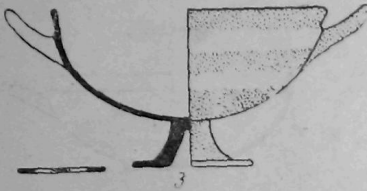
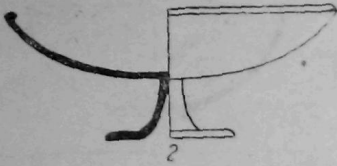
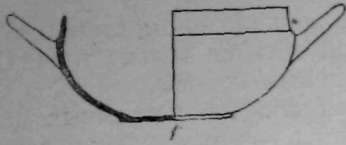

Рис. 2. Ионийская керамика: 1 — килик; V век до н. э. (Ш. 1913); КАМ; 2 — тарелка; VI—V века до н. э. (могила 14 Г. 1913); ГЭ; 3 — килик; VI век до н. э. (Ш. 1913); ГЭ.

номорье эти килики были найдены вместе с керамикой 2-й половины VI в. до н. э. По-видимому, они дольше сохранялись в обиходе, чем килики первого типа. Что же касается килика на высокой ножке, то он был найден в Тузлинском некрополе в одной могиле с милетской амфорой первой половины VI века до н. э. Не противоречат этой дате и многочисленные аналогии с находками во Врулии¹⁶.

Не меньший интерес представляет ионийская плоскодонная амфора из могилы 168 (123) Ш. 1911. На тулове и горле сосуда, покрытого светлой обмазкой, красной краской нанесен орнамент из прямых и волнообразных полос (рис. 3). В некрополях Северного Причерноморья найдено большое количество подобных амфор, составляющих наряду с сосудами других форм, таких, например, как ойнохой, группу ионийской керамики, которая датируется преимущественно второй половиной VI века до н. э.¹⁷

К ионийской керамике относятся, кроме того, такие сосуды, как лекифы, (табл. 7, 1) и небольшие миниатюрные кувшинчики (рис. 4, 1), которые хорошо известны в Средиземноморье.

Лекифы, бытовавшие на протяжении VI века до н. э., имели шаровидное тулово, украшенное волнистой и прямыми полосками, нанесенными непосредственно на глину разбавленным коричневым лаком, а также короткое горлышко с раструбом. Эти сосуды из Тузлинского некрополя относятся к первой половине VI века, что подтверждается найденной в комплексе с одним из лекифов милетской амфорой того же времени¹⁸. В некрополе Пантикапея подобный лекиф¹⁹ обнаружен в одной могиле с плоскодонным коринфским арибаллом 575—550 годов до н. э.²⁰. Лекифы с острова Березань, роспись которых несколько отличается от росписи тузлинских, датируются второй половиной VI века до н. э. Место производства лекифов пока не установлено. Их называют самосскими²¹ и просто ионийскими²². К этим лекифам примыкает сосуд, по форме напоминающий рассмотренные, но лишенный всякой росписи (табл. 8, 2). Такой же сосуд был найден в некрополе Гермонассы.

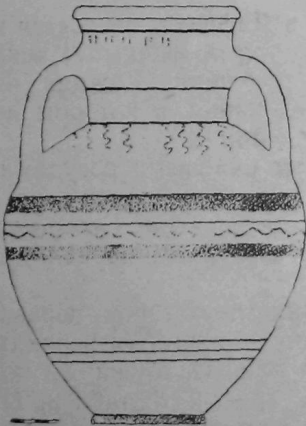

Рис. 3. Ионийская амфора; вторая половина VI века до н. э. (могила 168 (123) Ш. 1911); ГЭ.

К группе коринфской керамики раннего времени принадлежат два арибалла. Первый — это круглодонный арибалл (табл. 6, 2), украшенный орнаментом из сильно вытянутых пяти лепестков. Подобные арибаллы находят в Северном Причерноморье: на

острове Березани ²³ и в Ольвии ²⁴, Гермонассе ²⁵ и особенно часто в Средиземноморье.

Изучение орнаментов арибаллов из беотийского некрополя Микалесса позволило установить их хронологию ²⁶. Не останавливаясь на развитии растительного орнамента на арибаллах, обстоятельно освещенном как в русских, так и в зарубежных статьях ²⁷, укажем лишь, что наш арибалл входит в группу сосудов с орнаментом типа Б второй половины VI века — начала V века до н. э.

Вероятнее всего, что арибалл из собрания ГИМ, примыкающий к группе арибаллов Б, относится не к концу, а к третьей четверти VI века, так как его орнамент сделан гораздо тщательнее, чем орнамент на арибаллах конца VI века из микалесских могил.

Второй сосуд — плоскодонный арибалл (рис. 4, 3) с росписью в виде широких полос коричневого лака; у основания горла нанесен орнамент из язычков. По краю венчика — полоски. На дне сосуда находится 11-лепестковая розетка.

Этот сосуд относится к позднекоринфской керамике второй половины VI века ²⁸. Подобные сосуды этого времени хорошо известны в Северном Причерноморье, например на Березани и в Ольвии ²⁹.

Помимо ионийской и коринфской керамики второй половины VI века, в могилах были найдены сосуды аттического производства. Это ольпа с чернофигурной росписью ³⁰ (табл. 7, 2) и килики на высокой ножке с росписью на мифологические сюжеты (табл. 8, 4), а также с орнаментом в виде полосы чернофигурных пальметок на внешней поверхности (табл. II, 2). На росписи килика, хранящегося в нашей коллекции, имеется граффити из двух букв:

ΑΥ

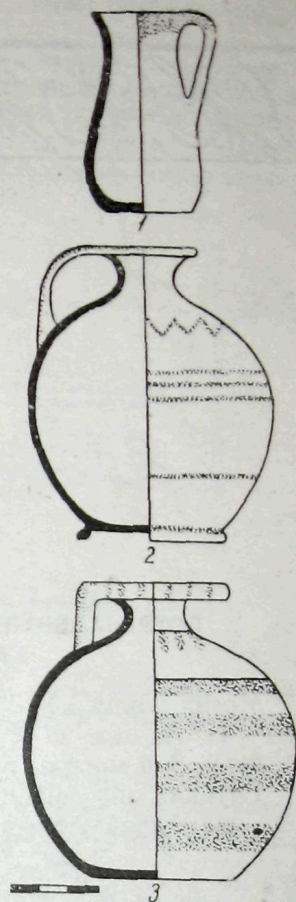

Рис. 4.

1 — ионийский кувшинчик (могила 47(2) Ш. 1911); ГЭ;
2 — ионийский лекиф; первая половина VI века до н. э. (могила 121(76) Ш. 1911); ГЭ;
3 — коринфский арибалл; вторая половина VI века до н. э. (могила 165(120) Ш. 1911); ГЭ.

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОНЦА VI—V ВЕКОВ ДО Н. Э.

Могил конца VI—V веков до н. э. насчитывается значительно больше — 41. Из них 28 относятся к концу VI — началу V века и 13 — к V веку. Эти могилы будут рассмотрены вместе как однотипные.

Глубина залегания могил этого времени от 0,79 до 1,37 м. Чаще всего они встречаются на глубине около метра. Длина могил взрослых — от 1,70 до 2,23 м, детских — от 1,24 до 1,50 м. Наиболее принятая ширина могил — от 0,70 до 1 м. Однако, несмотря на значительную ширину, в каждую могилу клали только одного покойника. Глубина могил — от 0,30 до 0,70 м, в редких случаях — 0,80 м.

Основным типом могилы по-прежнему остается простая земляная яма, но наряду с ней на рубеже VI—V веков появляется новая форма погребального сооружения — сырцовая гробница.

Из 41 рассматриваемой могилы¹ 34 являются земляными ямами; среди них 7 гробниц (5 — конца VI — начала V в., 2 — V в.) без перекрытия, 26 — с перекрытием из досок и 1 — из бревен.

Большинство могил, закрытых досками, засыпано песком (2 могилы), камкой, смешанной с устричными раковинами (5 могил), и устричными раковинами (15 могил). Последний способ, как видим, был наиболее распространен.

Сырцовая гробница открыта только одна. Описание ее устройства В. В. Шкорпил не дал. Он указал лишь, что могила имела перекрытие из деревянных досок, поверх которых насыпаны устричные раковины. Некоторое представление об этих гробницах дают схематические рисунки В. Н. Глазова (рис. 5), а также чертеж Б. В. Фармаковского сырцовой могилы, открытой им в Ольвии в 1902 году², близкой по устройству к таманским.

Для сырцовой могилы выкапывалась яма. Ее стенки обкладывались сырцовыми кирпичами, на которые, судя по ольвийской гробнице, клались доски перекрытия. Поэтому для таких могил не надо было делать

специальных закраин, как для простых земляных могил. Дно сырцовых могил оставалось земляным.

Сырцовые гробницы открыты не только в некрополе у мыса Тузла, но и почти во всех ранних грунтовых некрополях Таманского полуострова, например в некрополе между мысом Тузла и Панагией³, в некрополе, расположенном в 3 верстах вправо от дороги из Тамани к южному кордону⁴. С V—IV веков сырцовые гробницы встречаются в большем числе некрополей: помимо вышеперечисленных, укажем еще на Гермонасский⁵, некрополь около станицы Ахтанизовской⁶ и грунтовой некрополь Фанагории⁷.

С конца V, и особенно в IV—III веках до н. э., сырцовые могилы уже появляются во многих курганах Таманского полуострова. Наиболее яркие примеры негреческого обряда погребения в сырцовых гробницах дают большие и малые Семибратние Курганы — некрополь

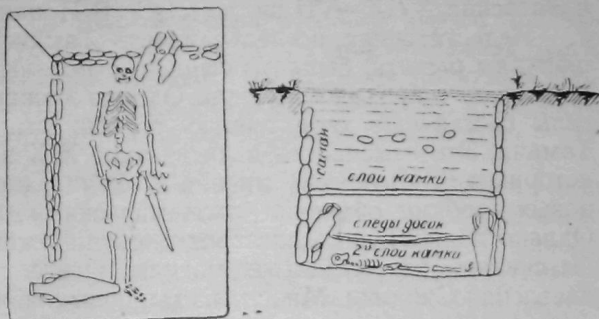

Рис. 5. План и разрез сырцовой могилы V—IV веков до н. э. (11 Г. 1913).

синдской знати Семибратнего городища⁸. Центральные гробницы в них были сделаны из камня или сырцовых кирпичей, перекрыты деревянными брусьями и сопровождалась погребениями лошадей.

В курганных некрополях около приморских городов, где синдские обычаи несколько смягчались эллиниским влиянием, также нередко встречались конские погребения, сопровождающие погребения знатного синда. Так, некоторые фанагорийские курганы содержали сырцовые гробницы, в которых среди инвентаря находились предметы конской упряжи⁹ или конские захоронения с упряжью¹⁰. Найдены также погребения лошадей в отдельных сырцовых гробницах¹¹, сопровождающих основное погребение в сырцовой гробнице. В этих гробницах находился очень богатый инвентарь, свидетельствующий, что погребенный принадлежал к синдской знати.

В сырцовых могилах грунтовых некрополей, где погребались рядовые жители, тоже изредка сохраняются черты синдского погребального обряда, но гораздо более скромного. Например, в насыпи могилы V века до н. э. (209 (27) Ш. 1911)¹² некрополя у хутора Кротенко были найдены только отдельные лошадиные кости.

В сырцовых могилах VI—III веков до н. э.¹³ наблюдается негреческий ритуал надения покойного напутственной пищей.

Характеристика могильных сырцовых сооружений Синдики будет неполной, если не упомянуть, что в курганах найдены жертвенные костры с тризнами, обнесенные оградой, сложенной из сырцовых кирпичей¹⁴, или костры, устроенные на возвышениях из сырцовых кирпичей¹⁵.

Приведенные данные свидетельствуют, что сырцовая архитектура получила на Таманском полуострове большое распространение уже с раннего времени. Это удается проследить в основном на погребальной архитектуре, поскольку жилая архитектура раннего периода Синдики пока мало известна. Археологические исследования на территории Син-

дики дают нам представление о синдской архитектуре IV—III веков до н. э. и главным образом последних веков до н. э.¹⁶

Помимо Таманского полуострова, сырцовых могил на территории других меотских племен не найдено. Нет их на территории Европейского Боспора, за исключением грунтового Пантикапейского некрополя и нимфейских курганов. Нет их и в других греческих некрополях Понта¹⁷. Что касается Средиземноморья, то только в ранних некрополях материковой Греции известны сырцовые могилы. Например, некрополи Афин¹⁸ и Элевсина¹⁹ (IX—VII вв. до н. э.). В Ионии сырцовых гробниц не было.

Недостаточная исследованность Таманского полуострова не позволяет нам решить, были ли сырцовые могилы созданы аборигенами или появились с приходом греков. Однако можно сказать, что сырцовые могилы составляют характерную особенность погребальной архитектуры Тамани. Это отмечалось в литературе XIX века²⁰ и в работах советских историков²¹. Интересно мнение К. Герца, который распространение сырцовых гробниц объяснял экономическими и социальными причинами. Однако полностью согласиться с его положениями нельзя. Неверно было бы считать, что сырцовые могилы — это принадлежность беднейшего населения Синдики. Многие из сырцовых гробниц по богатству инвентаря не только не уступают каменным, но и превосходят последние.

Лишь отчасти можно объяснить распространение сырцовых могил на Таманском полуострове отсутствием хорошего строительного камня. На Таманском полуострове известно много подкурганых каменных склепов и простых плитовых могил. Некоторые из них сделаны из местного таманского камня²². Отсутствие этого строительного материала не всегда вызывало необходимость сооружать сырцовые могилы. Например в Ольвии, в окрестностях которой тоже не имелось достаточно хорошего строительного камня, сырцовые могилы не получили развития²³. Правильнее всего предположить, что сооружение сырцовых могил Тамани, помимо особенностей строительного дела, было вызвано какими-то своеобразными чертами погребального культа обитателей Синдики.

Сырцовые гробницы известны в Пантикапее с рубежа VI—V веков до н. э., но основная масса их относится к V—IV и особенно к IV—II векам до н. э. И все же они встречаются здесь гораздо реже, чем на Таманском полуострове.

Наличие сырцовых могил в Пантикапее, где строительный камень имелся в изобилии, не может быть объяснено теми причинами, какими объясняют их существование в Синдике. Сырцовые могилы сооружаются в Пантикапее особенно с V—IV веков до н. э. Большая часть их группируется в районе Второго Кресла горы Митридат и Эспланадной улицы. С IV века до н. э. в Пантикапейском грунтовом некрополе широко распространяется характерное для таманских некрополей деревянное перекрытие могил. Можно предположить, что все эти факты свидетельствуют о притоке синдского населения в новую спартокидовскую столицу после перенесения ее из Азиатского Боспора на Европейский²⁴.

Вернемся к характеристике могил Тузлинского некрополя.

Обряд погребения конца VI—V веков до н. э. в основном мало отличается от обряда погребения VI века до н. э. Преобладающей ориентировкой покойника остается восточная (в 24 могилах) с отклонениями на север (в 7 могилах) и на юг (в 4 могилах). Лишь один покойник был положен головой на юг, один на юго-запад. Жженая могила, в которой костяка не сохранилось, ориентирована с запада на восток.

На дне могил, не имеющих перекрытия, встречалась подсыпка из мор-

ского песка (7 Г. 1913, 8 Г. 1913) и песка, смешанного с раковинами (21 Г. 1913; 154а (109а) Ш. 1911). В одной гробнице (7 Г. 1913) имелась подсыпка и, кроме того, костяк был покрыт слоем камки. В другой, закрытой досками, но без всякой засыпки, найдена подстилка из камки.

Погребения в гробе или саркофаге по-прежнему редки. Только в одной гробнице обнаружены гвозди от гроба (9 Г. 1913).

Для погребального обряда как рассматриваемого времени, так и предшествующего характерна обильная засыпка поверх деревянного перекрытия (23 могилы из 36), что является отличительной чертой приморских грунтовых некрополей Тамани и особенно ее северо-западной части. В Пантикапее этот обряд соблюдается реже. Что касается некрополя Ольвии, то там встречается растительный настил поверх досок²⁵, но засыпка, подобная таманской, в известной нам литературе не упоминается.

Могилы конца VI — начала V века до н. э., так же как и в VI веке до н. э., обычно содержали по одному костяку, и только лишь в одной из них открыто четыре скелета, похороненных, по-видимому, не одновременно²⁶. Могилы конца VI—V века до н. э. обычно содержали труположения. С трупосожжением найдена лишь одна могила V века до н. э. (159 (114) Ш. 1911). Сожжение является новой чертой в погребальном обряде Тузлинского некрополя: В. В. Шкорпил определяет эту могилу как «женую», но этого недостаточно для установления обряда сожжения.

Известно, что в некрополях Малой Азии, островной²⁷ и материковой Греции²⁸ и в некрополе Афин²⁹ классического времени открыты три типа сожжения. Первый из них заключался в том, что пепел, золу, кости от сожжения трупа на специально выделенном месте³⁰ собирали в урну, закрывавшуюся сосудом или плитой, и ставили в вырытую для нее небольшую яму. Сожжение, совершенное непосредственно в могиле, где и производилось захоронение урны с прахом, можно отнести ко второму типу сожжения. Третий тип сожжения отличается от второго только тем, что прах не собирали в урну, а оставляли в могиле.

Судя по размерам жженой могилы (длина 1,88 м, ширина 0,61 м, глубина 0,27 м), ее следует отнести к последним двум типам сожжения. По-видимому, в ней была погребена женщина, поскольку здесь найдены закопченные и обгорелые каменные пронизи (бусы) и поломанный браслет из бронзы в виде трижды свернувшейся змеи. Сосуды скорее всего были положены после сожжения, так как из всего инвентаря могилы только они не тронуты огнем. Для раннего Тузлинского могильника обряд сожжения еще менее характерен, чем для Пантикапея. В последнем обряд сожжения наблюдается в 10—13 процентах от общего количества могил³¹, тогда как в Тузлинском некрополе — в 0,24 процента.

Погребальный обряд конца VI—V веков до н. э. несколько отличается от обряда более раннего времени. Так, у южной стенки могил стали устраивать прямоугольные неглубокие ямки (рис. 6), в которые ставилась мелкая посуда: солонки, лекифы, килики. Крупные же сосуды (амфоры) продолжали класть в ноги. Эти земляные ямки играли, по-видимому, роль бофров, хорошо известных в некрополях Средиземноморья и Северного Причерноморья³² и использовавшихся для жертвоприношения.

Кроме того, в насыпи могилы встречаются разбитые сосуды. Например, в насыпи гробницы (180 (135) Ш. 1911) над ногами покойного были найдены обломки килика.

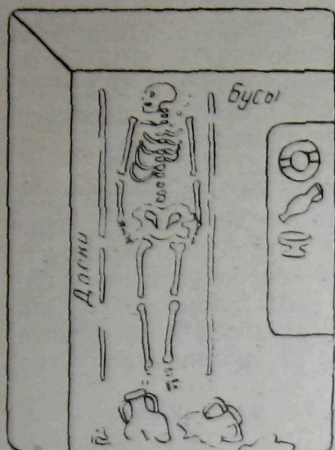

Рис. 6. План земляной могилы
V века до н. э. (8 Г. 1913).

Обряд погребения говорит о сильной эллинизации негреческой части обитателей поселения, которому принадлежал Тузлинский некрополь. Об этом свидетельствуют типично греческие надгробия, которые появляются здесь в V веке до н. э. с негреческими, но написанными по-гречески, по-видимому синдскими, именами.

Надгробий Тузлинского некрополя, относящихся к V веку до н. э., известно четыре. Три из них³³ были скуплены В. В. Шкорпилом у торговцев древностями, а одно найдено В. Н. Глазовым при раскопках.

Три однотипных надгробия представляют собой прямоугольные высокие плиты, утолщающиеся книзу. На плитах имеются короткие надписи, буквы которых глубоко врезаны, в них сохранились следы красной краски. Палеографический анализ надписей подтверждает, что они сделаны не позднее V века до н. э.

Первое надгробие содержит два негреческих имени —

Χαρσενάκης, Μάτας

вероятнее всего синдских. В. В. Шкорпил указывает, что эти имена были впервые встречены им в боспорских надписях.

На втором надгробии имя умершего,

Ἄτης

написано на ионийском диалекте. Это дает нам основание говорить о наличии в поселении, с которым был связан некрополь, ионийских греков.

На третьем надгробии, увенчанном гранатовым яблоком, вырезано одно женское имя³⁴

Ἰνδία

По мнению В. В. Шкорпила, поддержанному В. Д. Блаватским³⁵, отсутствие имени отца или мужа рядом с этим женским именем дает основание считать умершую рабыней или вольноотпущенницей.

Эти три надгробия являются в этническом и социальном отношении важным источником для ранней истории Синдики и, в частности, для исчезнувшего поселения у мыса Тузла.

Иного типа надгробие найдено В. Н. Глазовым. Оно представляло

Рис. 7. Надгробие V века до н. э. (2 Г. 1913).

лежащую в длинной одежде фигуру из известняка, опирающуюся левой рукой на подушку. Правая рука вытянута и лежит на бедре (рис. 7). Скульптура была покрашена, так как в складках одежды сохранились следы красной краски.

Поскольку надгробие было найдено в могиле № 2, то оно

2

3

1 — лекиф с чернофигурной росписью; рубеж VI—V веков до н. э. Покупка В. В. Шкорпида в 1911 г.; ГИМ; 2 — лекиф из разграбленной могилы (Ш. 1911); ГИМ; 3 — лекиф (могила 70 (25) Ш. 1911); ГИМ

должно относиться ко времени не позднее начала V века до н. э. Между тем в это время на Боспоре были известны надгробия совершенно иного типа — в виде стелы³⁶. Тип надгробия с лежащей фигурой нашел распространение в Западном Средиземноморье, особенно в Этрурии, с VI века до н. э. вплоть до римской эпохи, а для Греции и Северного Причерноморья он не характерен.

На Боспоре известны единичные скульптуры такого типа. Назовем, например, мраморное парное надгробие первых веков н. э. из Пантикапея³⁷ и одну известняковую статую лежащей женщины неизвестного происхождения из собрания ГИМ. Последняя удивительно близка по типу изображения, трактовке одежды, размерам³⁸ к тузлинской статуе. Головы у той и другой скульптуры не сохранились, что затрудняет датировку надгробий по стилю.

Таким образом, скульптура из Тузлинского некрополя является одним из ранних надгробий очень редкого на Боспоре типа погребального памятника.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД V—IV ВЕКОВ ДО Н. Э.

Могила V—IV веков до н. э. известно 43. Из них 36 — в виде земляной ямы, в том числе без перекрытия — 5¹, перекрытых досками — 6², перекрытых досками с засыпкой — 25, 3 могилы — сырцовые³; устройство 4-х разграбленных могил неизвестно⁴.

Таким образом, самым распространенным погребальным сооружением по-прежнему остается простая земляная яма с перекрытием из досок, с засыпкой поверх них раковинами⁵, песком⁶, песком, смешанным с устричными раковинами⁷, камкой и раковинами⁸, камкой и песком⁹.

Сырцовые гробницы имеют перекрытие из деревянных досок. В двух могилах они замазаны сверху глиной, чего раньше не отмечалось, в третьей — засыпаны слоем морского песка.

Глубина залегания гробниц 0,90—1,20 м; глубина могил — 0,30—0,60 м (но встречаются могилы глубиной 0,20—0,80 м); длина — 1,80—2,20 м (но имелись могилы длиной 1,50—1,70 м); ширина — 0,60—0,80 м. Могилы шириной 0,90—1,40 м наблюдаются редко.

Погребальный обряд во многом остается прежним. Дальнейшее развитие получают только некоторые его черты, появившиеся в V веке до н. э.

В могилах V—IV веков были открыты только труположения. Основная ориентировка восточная (17 случаев) с отклонением на север (9 случаев) и юг (11 случаев). Одно погребение было ориентировано на юго-запад. На дно могилы в этот период чаще насыпают песок¹⁰, песок и устричные раковины¹¹, камку¹². Более распространено также погребение покойных в гробах¹³. Стали встречаться могилы с повторными захоронениями¹⁴. В сырцовой гробнице¹⁵ открыто три погребения, и все в деревянных гробах. Могилы с двойными и тройными захоронениями отличались большей шириной, чем обычные гробницы (от 1,14 до 1,28 м). И лишь в одном случае ширина могилы с двойным захоронением равняется 0,90 м.

Неглубокие биффы, заполненные посудой¹⁶, устраиваются теперь не только у южной, но и у восточной стенки могилы, то есть в головах.

Жертвоприношения над могилой по-прежнему редки. Отмечены лишь два случая: в насыпи одной могилы¹⁷ найдена раковина и в другой — обломок остродонной амфоры и кусочки бусины¹⁸.

К V—IV векам до н. э. относятся два надгробия¹⁹, найденные в 1913 году в дромосе²⁰ у входа в склеп. Это стелы того же типа, что и надгробие V века до н. э. с именем Индие, но без надписей.

Все могилы рубежа VI—V веков и V—IV веков до н. э. содержали инвентарь²¹, состоявший из керамики, которая в погребениях мужчин-воинов сочеталась с предметами вооружения, а в погребениях женщин — с украшениями, зеркалами, пряслицами.

Количество предметов, положенных в могилы рубежа VI—V веков и V—IV веков до н. э., обычно не меньше двух-трех, самое большее — десяти.

Целых комплексов погребального инвентаря сохранилось очень мало: от рубежа VI—V веков — 10²², V—IV веков — 8²³. Преимущественно же известны отдельные вещи и в основном сосуды.

В могилах рубежа VI—V веков и IV века до н. э. керамика чаще ставилась слева от покойного и около ног; большие сосуды, такие, как амфоры, по одному слева в ногах. Исключение составляет лишь одна могила V века до н. э., в которой амфора находилась в изголовье. Лекифы не ставились ниже пояса, ионийские аски (сосуды) — только около левого плеча.

С конца VI века и на протяжении V—IV веков до н. э. отмечаются случаи вкладывания лекифов или киликов в левую руку. Воинам вкладывались стрелы, точильные бруски.

Отдельные женские погребения выделяются большим богатством инвентаря как по содержанию украшений из серебра и золота, так и по количеству сосудов (до 6 штук)²⁴. Погребения мужчин, и особенно воинов, гораздо скромнее. Помимо оружия, в них содержалось только по два-три сосуда.

Подбор инвентаря — в основном обычный для боспорских некрополей. В отдельных случаях²⁵ наряду с инвентарем, типичным для женского погребения (зеркало, подвески, пряслице) встречался стригиль (скребок), который характерен только для погребений атлетов в греческих некрополях:

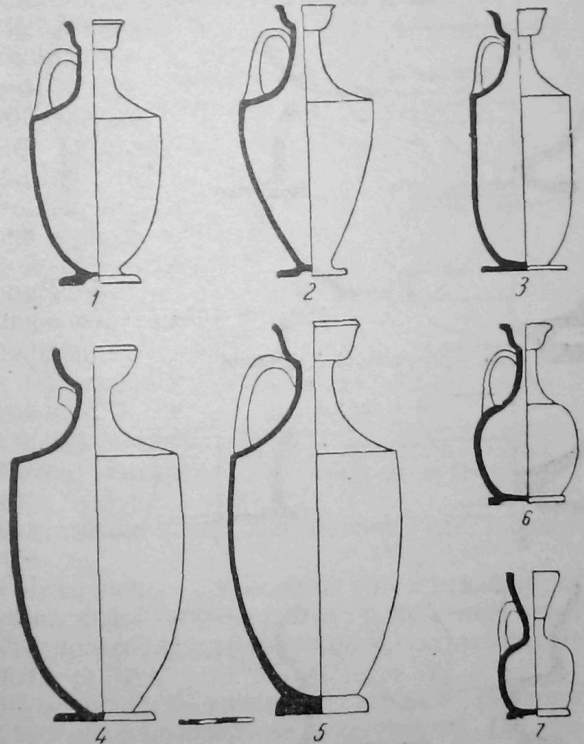

Рис. 8. Лекифы с чернофигурной (рубежа VI—V вв. до н. э.) и краснофигурной росписью (IV в. до н. э.):

1 — могила 70(25) Ш. 1911; ГЭ; 2 — могила 1 Г. 1913; ГЭ; 3 — Ш. 1911; ГЭ; 4 — могила 7 Г. 1913; ГЭ; 5 — могила 8 Г. 1913; ГЭ; 6 — могила 64(19) Ш. 1911; ГЭ; 7 — Ш. 1911; ГЭ.

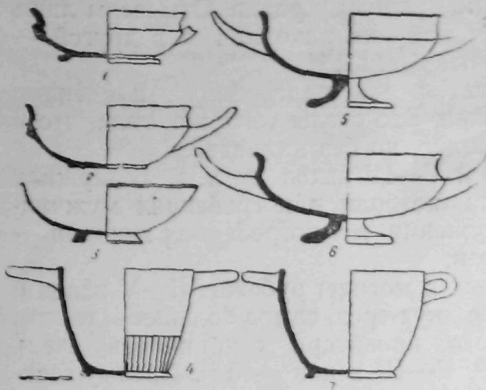

Рис. 9. Чернолаковая посуда V века до н. э.: 1 — килик (могила 15 Г. 1913); ГЭ; 2 — килик (могила 9 Г. 1913); ГЭ; 3 — чаша (Ш. 1911); КАМ; 4 — котила (могила 2 Г. 1913); ГЭ; 5 — килик (Ш. 1913); ГЭ; 6 — килик (могила 108(63) Ш. 1911); ГИМ; 7 — котила (могила 99(52) Ш. 1911); ГЭ.

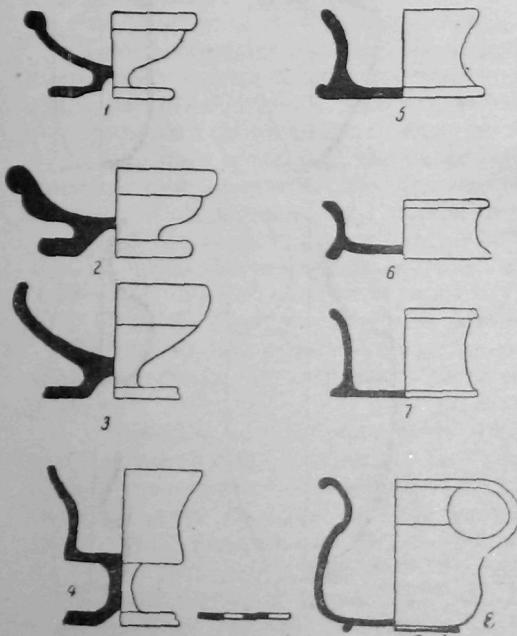

Рис. 10. Чернолаковая посуда V—IV веков до н. э.:

1, 2 — могила 14 Г. 1913; 3 — могила 12 Г. 1913; 4 — могила 155(110) Ш. 1911; 5 — могила 9 Г. 1913; 6 — могила 10 Г. 1913; 7 — могила 97(52) Ш. 1911; 8 — Ш. 1913.

Керамика рубежа VI—V, V—IV веков до н. э. представлена главным образом предметами атичского импорта. Встречены чернофигурные лекифы конца VI — второй четверти V века до н. э. (табл. I, 1, 2, 3; табл. 8, 3; рис. 8, 1—5), такая чернолаковая посуда, как килики (рис. 9, 1, 2, 5, 6; табл. 9, 3), солонки (рис. 10, 6), котилы (рис. 9, 4, 7), сосуды более редкой формы (рис. 10, 4, 8). Около середины V века до н. э. появляется керамика с краснофигурной росписью, образцом которой является псевдопанафинейская котила (табл. II, 1).

В V веке до н. э. продолжается еще ионийский импорт, представленный отдельными сосудами: полосатыми асками (табл. 6, 3, 4), одноручными чашечками с полосатым орнаментом (рис. 11, 1—5), которые были найдены почти в каждой могиле. Вероятно, некоторые из них местного изготовления.

Большое распространение получает и такая простая красноглиняная керамика, как кувшины, ойнохой и одноручные чашки, вероятно, тоже местного производства.

Сероглиняная керамика почти не встречается в могилах V века до н. э. По-видимому, в приморских районах производство ее было развито слабо или вовсе в этот период не существовало. Кувшин и чашечка (V—IV веков до н. э.), найденные в могиле рубежа VI—V веков до н. э., могли быть привезены из Прикубанья, где сероглиняная керамика²⁶ изготовлялась очень широко.

В могилы этого времени было положено много сосудов так называемого финикийского или глухого стекла различных форм: ойнохой (табл. III, 2), амфориски (табл. III, 1, 3, 4), алабастры (табл. III, 5).

Металлических предметов в некрополе обнаружено меньше, чем керамики. В основном это оружие, предметы туалета и украшения.

В могилах VI века до н. э. оружия не было. В могилах конца VI — начала V и V—IV веков до н. э. его найдено много. Погребения с оружием по отношению к общему числу могил конца VI—V веков до н. э. составляют 29%²⁷, в V—IV веках до н. э. — 32%²⁸.

Оружие встречалось обычно в земляных могилах с деревянным перекрытием, и только одно погребение с оружием конца VI—V века было обнаружено в сырцово-глиняной могиле.

Из предметов вооружения найдены: мечи, наконечники копий, стрелы (рис. 12, 1—3, 5—8). В гробницах часто вместе с вооружением лежали ворворки, ножи (рис. 12, 4) и точильные бруски. Последние встречались, впрочем, и в тех могилах, где предметы вооружения отсутствовали.

Полный набор вооружения (меч, копье, стрелы) найден только в трех могилах: в двух — конца VI — начала V века²⁹ и в одной — V—IV веков до н. э.³⁰. Обычно в погребениях сочетаются следующие предметы вооружения: наконечник копья и меч³¹, наконечник копья и стрела³², меч и стрела³³. В отдельных могилах найдены одни мечи³⁴; иные предметы вооружения в Тузлинском некрополе редко клались в могилу по одному. Так, копье встретилось только в одной могиле конца VI — начала V века до н. э.³⁵, а стрелы в одной могиле V—IV веков до н. э.³⁶. Мечи чаще другого вооружения сопровождали погребение воина (они найдены в 19 могилах из 25 содержащих оружие). Это характерно для Тузлинского некрополя конца VI—V века до н. э. В Пантикапейском некрополе этого времени мечи, наоборот, более редко встречаются, чем другие предметы вооружения³⁷.

Ворворки были обнаружены только в тех погребениях, где находились мечи³⁸.

Чаще всего мечи расположены поперек туловища от правой руки к левому колену³⁹. Н. И. Сокольский⁴⁰ считает такое положение меча отличительной чертой синдского погребального обряда. С этим можно согласиться.

Тузлинский некрополь от некрополей греческих городов Боспора отличает большое количество могил с предметами вооружения. Но это сближает его с могильниками населения степей Северного Причерноморья и наиболее варваризованного города Боспора — Танаиса⁴¹. Большое количество предметов вооружения в могилах может быть объяснено особенностями погребального обряда. О том, что положение вооружения в могилу было ритуалом, говорит меч, найденный в детской могиле⁴², а также стрелы, обнаруженные в женской могиле⁴³. Этот ритуал находит

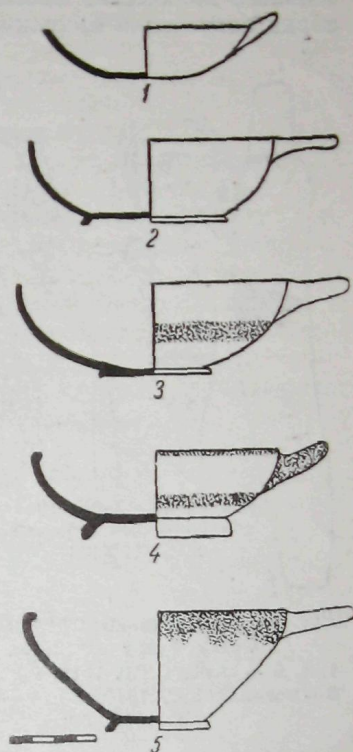

Рис. 11. Одноручные чашечки конца VI—V веков до н. э.: 1 — Ш. 1913; ГЭ; 2—4 — могила 14 г. 1913; ГЭ; 5 — могила 64(19) Ш. 1911; ГЭ.

много аналогий в могильниках скифов⁴⁴ и сарматов⁴⁵, что и заставляет видеть в тузлинских погребениях проявление погребального обряда скифо-сарматского мира, тем более что в греческих некрополях Средиземноморья этого времени оружия нет.

Историческая обстановка, сложившаяся в Синдике в конце VI века—IV веке до н. э., требовала вооружения если не поголовного, то значительного количества населения. Это, вероятно, способствовало тому, что обряд погребения с оружием получил широкое распространение.

В Пантикапейском некрополе VI—V веков до н. э. наряду с оружием в могиле нередко встречались предметы, характерные для воина и атлета⁴⁶. В Тузлинском некрополе этого совершенно не наблюдается, и стригилей вместе с оружием ни в одной могиле не найдено. Алабастры (сосуды), обнаруженные вместе с оружием, вряд ли можно рассматривать как свидетельство того, что покойный был при жизни воином и атлетом⁴⁷ потому, что эти сосуды встречаются и в женских погребениях⁴⁸. Чаще всего в могилах с оружием сочетались килики и одноручные чаши, реже лекифы, ойнохои, котилы. Во многих могилах воинов в ногах были найдены остродонные амфоры.

Стригили найдены только в одной могиле V—IV веков⁴⁹, по-видимому, палестрический инвентарь не характерен для Тузлинского некрополя конца VI—IV веков до н. э.

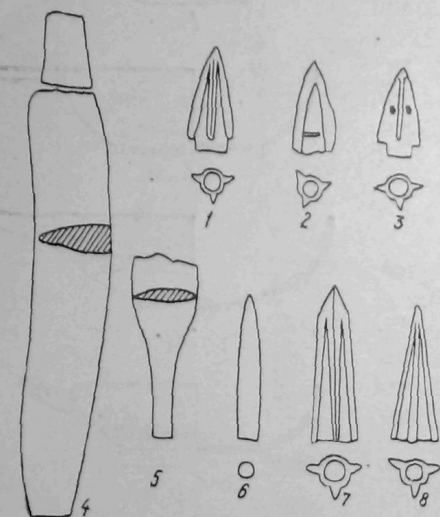

Рис. 12. Наконечники стрел и ножик V—IV веков до н. э.:
1, 4, 6 — могила 2 Г. 1913; ГЭ; 2, 3, 5, 8 — могила 11 Г. 1913; ГЭ; 7 — могила 7 Г. 1913; ГЭ.

Предметы туалета, сделанные из металла, представлены исключительно зеркалами (5 штук), найденными в могилах рубежа VI—V и V—IV веков до н. э. Обычно они лежали около левой руки скелета, но иногда под головой (погребения конца VI—V вв.), с правой стороны около черепа и правого плеча (погребения V—IV вв.). Преобладал один тип зеркала — в виде бронзовой круглой пластины диаметром от 0,10 до 0,19 м с деревянной рукояткой, прикрепленной к диску двумя медными пластинками скрепленными в свою очередь медными заклепками (рис. 13, 1). Такие зеркала были найдены в некрополях городов Северного Причерноморья, в скифских и кубанских курганах V—III веков до н. э.

Большой интерес представляет бронзовое зеркало (диаметром 0,19 м) из могилы конца VI—V века до н. э.⁵⁰ с бронзовой ручкой длиной 0,155 м, украшенной у основания фигурой оленя, а на конце — фигурой овцы (табл. 7, 3)⁵¹. Изготовление таких зеркал связывают с мастерскими Ольвии⁵². Нет основания сомневаться, что зеркало из Тузлинского некрополя является изделием ольвийских ремесленников конца VI—V века до н. э.

Кроме зеркала, у нас нет других предметов этого времени из некрополя, которые могли бы свидетельствовать о более или менее регулярных непосредственных связях населения города у мыса Тузла с Ольвией и не

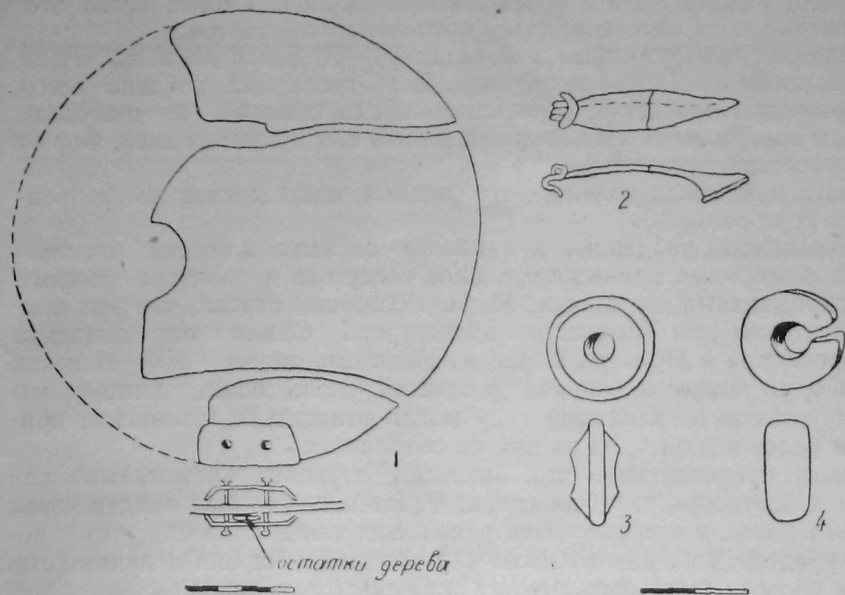

Рис. 13.

1 — бронзовое зеркало; V—IV века до н. э. (могила 15 Г. 1913); ГЭ; 2 — бронзовая фибула; 1 век до н. э. — I век н. э. (Ш. 1913); ГЭ; 3 — свинцовое пряслице (Ш. 1913); ГЭ; 4 — свинцовое кольцо (могила 11 Г. 1913); ГЭ.

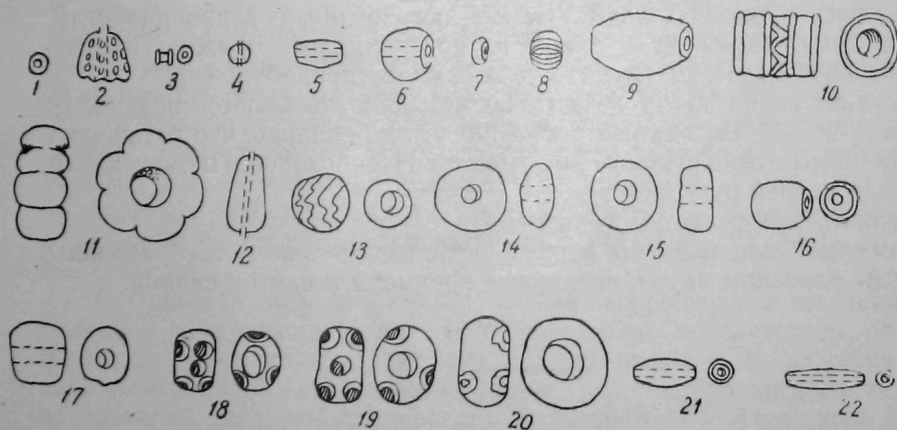

Рис. 14. Бусы V—IV веков до н. э.:

1 — бусина глухого стекла синего цвета; 2 — бусина глухого стекла голубого цвета; 3 — бусина голубоватого цвета (могила 17 Г. 1913); 4—5 — стеклянные золоченые бусы; 6 — бусина желто-коричневого стекла; 7 — бусина глухого стекла голубоватого цвета; 8—9 — бусины глухого стекла белого цвета; 10 — бусина глухого стекла серо-коричневого цвета с орнаментом из желтой и зеленой нити; 11 — бусина глухого стекла зеленоватого цвета; 12 — бусина гешировая (могила 14 Г. 1913); 13 — бусина из цветной композиции; 14 — бусина глухого стекла серого цвета (могила 6 Г. 1913); 15, 17 — бусины глухого стекла коричневого цвета; 16 — бусина глухого стекла белого цвета; 18—19 — бусины глазчатые глухого стекла голубого цвета; 20 — бусина глазчатая глухого стекла серого цвета (могила 8 Г. 1913); 21 — пронизка янтарная; 22 — пронизка глухого стекла сероватого цвета (могила 19 Г. 1913).

только в этот ранний, но и в более поздний период. Скорее всего это зеркало попало сюда случайно, путем посреднической торговли.

Украшения, обнаруженные в могилах VI—IV веков до н. э., очень многочисленны и мало разнообразны. В 84 гробницах найдено всего девять бронзовых браслетов: с расплюснутыми концами, из выпуклой пластины, с поперечными каннелюрами, в виде свернувшейся змеи. Форма других неизвестна.

Из пяти найденных колец — три медных, одно медное посеребренное и одно серебряное.

Из украшений, найденных в наиболее богатых женских могилах, интересны серебряные привески⁵³ в виде согнутого в полтора оборота прута с пирамидками на концах. М. И. Ростовцев считал, что эти привески характерны для Таманского полуострова. Однако они довольно часто встречаются в Причерноморье и Средиземноморье⁵⁴ в V—II веках до н. э. Форма привесок описана в отчетах очень общо, поэтому мы не можем установить, к какому типу могли относиться тузлинские привески, тем более что ни одна из них не сохранилась.

Сначала предполагали, что привески служили застежками для одежды и, в частности, гиматия (плащ)⁵⁵. Но позднее был найден череп с остатками волос, в которые были зацеплены такие привески, что и позволило определить их как женские украшения⁵⁶. Черепа с привесками в полтора оборота были раскопаны и в Средиземноморье⁵⁷.

В могилах конца VI—IV века до н. э. были найдены бусы (рис. 14), сделанные в основном из прозрачного и глухого стекла. Очень редко встречаются сердоликовые бусы, янтарные пронизи и, что интересно отметить, бусы из свинца⁵⁸, последние известны также и в некрополе Гермонассы⁵⁹.

В могилах были найдены свинцовые (рис. 13, 3, 4) и глиняные пряслица, пять бронзовых игл⁶⁰. Не все погребения, содержащие иглы, были женскими, поскольку в одном из них⁶¹ имелось оружие. Положение игл разнообразное: на груди, в руке и около правого плеча.

В могилах конца VI—V века монет нет. Они появляются позднее — в IV веке до н. э.⁶² Но они настолько плохо сохранились, что установить тип монет невозможно. Положение монет разнообразное: между колен, около ног, в правой руке, во рту.

Терракоты встречаются очень редко.

В могилах были найдены в очень небольшом количестве раковины, в том числе раковины каури, свинцовые предметы и слиток свинца.

Глава IV

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД IV—III ВЕКОВ ДО Н. Э.

Из 38 могил IV—III вв. до н. э. 25 представляют простые земляные ямы; 20 — с перекрытием из деревянных досок; в 11 — на перекрытии обнаружена засыпка, для которой использовался морской песок, смешанный с устричными раковинами; в одной могиле на досках была найдена камка, в трех земляных могилах на деревянное перекрытие был положен слой глины, что раньше наблюдалось только у сырцовых могил. Число сырцовых могил возрастает до 7. Три из них были перекрыты досками, засыпанными сверху песком, в одной — деревянное перекрытие было замазано слоем глины; остальные не имели перекрытий.

В некрополе появляются новые типы могил — каменные гробницы и склепы. Каменных плитовых гробниц открыто четыре (глубина 0,34—0,64 м). Две из них были перекрыты плитами (51 (6) Ш. 1911 и могила из раскопок 1886 г.), одна (111 (66) Ш. 1911) — бревнами и досками с засыпкой из устричных раковин, одна (141 (96) Ш. 1911) — досками без засыпки.

Плитовые могилы являются наименее распространенным типом погребального сооружения Тузлинского некрополя; впоследствии они здесь почти не встречаются. Среди могил I—III веков н. э. известна только одна плитовая. В связи с этим типом гробниц Тузлинского некрополя остановимся на плитовых могилах Европейского и Азиатского Боспора.

Вопросу о каменных плитовых могилах отводилось немалое место в работах о могильниках различных племен Северного Причерноморья. Исследователи¹, которые занимались изучением синдо-меотских племен, склонны видеть в этих могилах характерный тип синдо-меотской погребальной архитектуры. Сравнивая плитовые могилы Таманского полуострова и Прикубанья с горно-крымскими, некоторые ученые видят в них много общего. На этом основании они ставят вопрос о родственности синдо-меотов и тавров, как происходящих от одних предков — киммерийцев. Это представляется нам крайне спорным потому, что устройство плитовых могил Таманского полуострова и таврских каменных ящиков имеет, пожа-

луй, больше различий, чем сходства. Различны также и погребальные обряды этих племен.

Существует мнение, что погребальные сооружения в виде плитовых могил созданы синдами и другими меотскими племенами. Оно более обосновано хотя и несколько односторонне. Вопрос о появлении и распространении таких могил на Таманском и Керченском полуостровах гораздо сложнее потому, что в Средиземноморье они тоже имели большое распространение начиная уже с IX—VIII веков до н. э.² Позднее такие могилы известны в некрополе Афин³ V—IV веков до н. э. и в Малой Азии⁴ в III—II веках до н. э. Поэтому нельзя целиком относить плитовые могилы некрополей тех поселений и городов, где могли совместно жить греки и представители северо-причерноморских племен, в частности скифы, синды и меоты, к местному типу погребального сооружения.

Обратимся к рассмотрению плитовых могил некрополей, связанных с второстепенными периферийными городами и поселениями, где больше было варварского населения, чем в таких городах, как Пантикапей, Фанагория и т. д.

Одним из ранних некрополей Европейского Боспора с плитовыми могилами IV века, но возможно и V века до н. э. является некрополь у Кюль-Тепе, раскопанный А. А. Дириным⁵. Могилы здесь были сложены и покрыты плитами из дикарного камня. Часть могил на поверхности была обнесена изгородью круглой формы из необработанного камня. Другие могилы были только завалены диким камнем. В некрополе у Кюль-Тепе наблюдался и своеобразный погребальный обряд. Так, в могилах находилось по несколько погребений. Если в могиле было три костяка, то один из них — детский. Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов и, что особенно интересно, рассыпанных по дну могилы бронзовых стрелок.

Устройство могил из плит, засыпка их сверху диким камнем и сооружение над могилами каменных кругов находят полную аналогию в скифских погребениях Крымского полуострова V—IV веков до н. э.⁶ Это позволяет поставить вопрос о принадлежности подобных могил в некрополе у Кюль-Тепе скифскому населению, жившему на территории Европейского Боспора. В этом некрополе плитовые могилы и их засыпка камнем сохраняются, так же как и обычай многократных погребений в одной могиле до первых веков н. э. Некоторые могилы некрополя свидетельствуют об эллинизации обитателей поселения, с которым он был связан. Эллинизация поселения в ранний период сказалась на инвентаре погребений, который состоял из греческой керамики, в последних веках до н. э. — первых веках н. э. она выразилась в том, что иногда погребения совершались в плитовых могилах в саркофагах. Однако в саркофаге было обнаружено до семи костяков, положенных один на другой. С одной стороны, такой обряд захоронения многих костяков в одном саркофаге абсолютно нехарактерен для греческого обряда, а с другой — погребения в саркофаге совсем не встречаются в каменных могилах скифов Крымского полуострова⁷. Поэтому сам факт погребения в саркофагах надо рассматривать как заимствование погребального обряда скифами у греков.

Плитовые могилы III века до н. э., заваленные сверху камнем и окруженные на поверхности каменными кругами, найдены еще у Такильского мыса⁸. Плитовые могилы, датируемые II веком до н. э. и более поздним временем, в которых наблюдался своеобразный обряд многократных погребений, были открыты в некрополе, связанном с Китеем⁹.

В некрополе Пантикапея плитовые могилы встречаются редко начиная с рубежа VI—V веков до н. э., широкое распространение они получают после IV века до н. э. и в первые века н. э.

Черты погребального обряда в различных плитовых могилах с IV века и позднее в Пантикапее неодинаковы. В некоторых плитовых могилах¹⁰ погребальный обряд аналогичен обряду в плитовых могилах Афинского некрополя¹¹. В том и другом некрополях плитовые могилы содержали только одно погребение. Инвентарь состоял из нескольких лекифов и алабастров, в женских погребениях были туалетные сосуды, зеркала, в мужских — стригили. Погребения могли совершаться в деревянном гробе. В погребениях были найдены монеты. В афинских плитовых могилах, так же как и в близких к ним по обряду и устройству пантикапейских, оружие совершенно отсутствовало.

Однако в плитовых могилах Пантикапея было найдено много погребений с инвентарем, содержащим наряду с керамикой стрелки и другое вооружение¹². Такой обряд погребения совершенно не наблюдается в греческих некрополях Средиземноморья, но он очень близок к погребальному обряду, характерному для плитовых могил Кюль-Тепе, Китея, о которых говорилось выше.

В Синдике каменные плитовые могилы появляются не ранее IV века до н. э. Их немного. Они были открыты главным образом в курганах, чаще всего в их насыпях. С III века до н. э. и позднее таких гробниц в некрополях Тамани становится больше. Рассмотрев обряд погребений в плитовых могилах, можно прийти к тому же выводу, что и в отношении Пантикапея: одни гробницы были связаны с греками, другие — с местным населением. Примером негреческого погребения в каменной плитовой могиле является погребение IV века до н. э. в шестом Семибратнем кургане¹³. В материке под курганом была устроена погребальная камера, выложенная сырцовыми кирпичами. Ее внутреннее пространство было разделено сырцовой стенкой на три части. Северное помещение в свою очередь подразделялось на два отделения; в одном из них находилась плитовая могила, впущенная в материк и содержавшая погребение в деревянном саркофаге; в другом были найдены костяк лошади и богатый инвентарь, в том числе и вооружение. Негреческий характер погребения не вызывает никаких сомнений. Однако следует отметить признаки влияния греческого погребального обряда: наличие в плитовой могиле деревянного саркофага. Это напоминает явление, которое уже отмечалось для некрополя Кюль-Тепе.

Примером несколько более позднего негреческого погребения в плитовой могиле является погребение, открытое в Зеленском кургане¹⁴. Там был похоронен мужчина. В могиле был найден богатый инвентарь, среди которого обращают на себя внимание предметы вооружения: копье, железные стрелы и остатки горита (футляр для лука). Рядом было погребение лошади. Все это заставляет вспомнить о Семибратних курганах IV века до н. э., где почти в каждом погребении тоже находили оружие и коня.

Наряду с этим на Таманском полуострове имеются плитовые могилы IV—III веков до н. э. с типично греческим обрядом погребения, безусловно принадлежавшие грекам¹⁵.

Если плитовые могилы Пантикапея с обрядом погребения, имеющим варварские черты, вернее всего связывать со скифами, то на территории Синдики они принадлежали, по-видимому, синдам и меотам. К сожалению, синдские грунтовые некрополи нам неизвестны. Меотские плитовые мо-

гилы II века до н. э. и более поздние имеются в бассейне реки Лабы. Они открыты в небольших курганах около станицы Бесленевской и Даховской¹⁶. Для них характерна уже не восточная, а западная и реже южная ориентировка костяков; вещи покойных положены иногда вне каменной могилы.

Погребальный обряд в немногочисленных плитовых могилах, открытых около Анапы¹⁷, станиц Гастагаевской¹⁸, Сенной¹⁹, Ахтанизовской²⁰, датируемых II веком до н. э. и более поздним временем, аналогичен обряду могильника у станицы Бесленевской. Поэтому возможно предположить, что эта форма погребального сооружения и обряд могли быть перенесены в это время на территорию Синдики другими племенами меотов, обитавших в верхнем течении реки Кубани и по ее притокам. Проникновение к синдам представителей родственных им меотских племен подкрепляется эпиграфическими данными. Например, известно надгробие из Гермонассы, относящееся к несколько более раннему времени (IV в. до н. э.), с надписью²¹

Χανάκης Θιάτου

Из этих варварских имен интересно второе, так как оно, вероятно, связано с названием племени фатеев.

Возвращаясь к плитовым могилам Тузлинского некрополя, надо сказать, что обряд погребения в них, до и само их устройство были неодинаковыми. Из четырех могил наиболее негреческий характер носит могила 111 (66) Ш. 1911. Она была сооружена из небрежно отесанных плит, наломанных с каменной гряды, которая тянется от Тамани до мыса Тузла. Ее земляное дно было посыпано морским песком, смешанным с устричными раковинами. Крышу могилы образовывали бревна и доски, засыпанные толстым слоем раковин. В гробнице были обнаружены один костяк, положенный головой к северо-востоку, и груды костей у юго-западной стенки гробницы, принадлежавшие четырем-пяти костякам. Среди многочисленного инвентаря следует отметить бронзовую трехгранную стрелку. Погребальный обряд, наблюдаемый в этой могиле, роднит его с погребальным обрядом некрополя у Кюль-Тепе. Другая каменная гробница (раскопки Ф. Гросса 1886 г.) представляет пример погребального обряда, близкого к греческому. Скелет мужчины лежал здесь в деревянном саркофаге.

Остальные каменные гробницы (141 (96), 51 (6) Ш. 1911) следует отнести скорее к синдским погребениям, чем к греческим, поскольку в одной из них найдены стрелки, в другой — ножик.

К IV—III векам до н. э. относятся два склепа, несколько отличных друг от друга по устройству. Устройство погребальной камеры одного склепа (148 (103) Ш. 1911) не находит аналогий среди склепов других некрополей северо-причерноморских городов. Стенки склепа были обложены сырцовым кирпичом. Этим он напоминает земляные сырцовые могилы. Его размеры — длина 2,36 м, ширина 1,05 м — также близки к размерам сырцовых могил. Но в отличие от сырцовых могил глубина склепа достигала 2,10 м. К сожалению, у нас нет многих данных о склепе, чтобы составить о нем полное представление²².

В склепе было совершено до восьми погребений; их можно датировать по монетам, найденным в склепе. Наиболее ранние относятся к последней четверти IV века до н. э., наиболее позднее погребение, обнаруженное *in situ*, — к первой половине III века до н. э. Поэтому можно считать, что склеп был сооружен в конце IV века до н. э.

Устройство другого склепа более обычно. Он состоял из погребальной камеры небольших размеров и дромоса (с северо-востока). Здесь найдено пять скелетов *in situ*, лежавших черепами к северо-западу. Около трех костяков обнаружены монеты, которые позволяют думать, что склеп был сооружен в конце III века до н. э. и использовался до I века до н. э.

Интересно отметить, что земляные склепы на территории Азиатского Боспора появляются несколько раньше, чем в Пантикапее и что погребения в них в IV—III веках до н. э. совершались без гробов, тогда как в первых веках н. э., как правило, в гробах.

Могила IV—III веков до н. э. залегала преимущественно на глубине 0,8—0,9 м, иногда на глубине 1—1,30 м от поверхности почвы. Обычная глубина самих могил — 0,30—0,65 м. По ширине могилы разделяются на две примерно одинаковые по численности группы: 1) от 0,5 до 0,8 м и 2) от 1 до 1,57 м. Длина могил — от 1,5 до 2,1 м.

Преобладающей ориентацией в могилах IV—III веков до н. э. остается восточная (13 случаев) с отклонением на север (9 случаев) и на юг (6 случаев), есть два случая ориентации покойного головой на север²³. Могила с подсыпкой на дне, так же как и в предыдущем периоде, немного. В отличие от могил V—IV веков до н. э. в качестве подсыпки в них встречается только морской песок, смешанный с устричными раковинами, лишь в одной могиле подсыпка была из одних раковин.

Подсыпка обнаружена в погребальных сооружениях различного типа: в простой земляной яме с перекрытием из деревянных досок с засыпкой, в сырцовых и каменной могилах. Поэтому нельзя связывать ее с каким-либо отдельным типом гробницы. Но следует отметить, что в сырцовых могилах V—III веков до н. э. подсыпка стала встречаться чаще, в то время как в VI—V веках она наблюдалась главным образом в земляных могилах.

В IV—III веках по-прежнему преобладает труположение. Трупосожжение отмечено только в двух могилах. Наблюдается новый для Тузлинского некрополя тип сожжения — вне могилы с последующим захоронением пепла и костей в урне. Так, урна с жжеными костями была обнаружена в сырцовой гробнице, содержавшей кроме того, три костяка. Сырцовая гробница, таким образом, играла роль семейной усыпальницы, где члены одной семьи были погребены по различному обряду.

При труположении в IV—III веках до н. э. в основном сохраняется обычай погребения без гробов. Из 40 могил этого времени только в двух были открыты костяки в гробах (141 (96), 135 (90) Ш. 1911) и в одной — в саркофаге²⁴. Эти погребения связаны преимущественно с каменными гробницами, так как лишь одна из трех могил, содержавшая такое погребение, представляла собою простую земляную яму.

Вплоть до IV—III веков до н. э., но гораздо реже, чем в V—IV веке, продолжали устраивать в могиле земляную ямку или бобр. Например, в одной сырцовой гробнице был найден бобр (13 Г. 1913).

В насыпях над каменными гробницами были обнаружены в одном случае обломки глиняной чашки, девять амфорных ручек, в другом — скорлупа куриного яйца (111 (66) Ш. 1911). Из других типов погребальных сооружений только в насыпи двух земляных могил, перекрытых досками, были найдены монета (67 (22) Ш. 1911) и ойнохоя (56 (4) Ш. 1911). Но погребальный обряд IV—III веков до н. э. не оставался без изменений. Появление новых черт в нем не всегда можно объяснить. Например, значительно возросло число повторных захоронений в одной могиле. Поэтому могилы стали делать несколько шире. По-видимому

какие-то религиозные представления, обусловленные, может быть, социальными или этническими изменениями, требовавшие погребения представителей одной семьи в одной могиле, и послужили причиной повторных погребений. Одна могила стала служить усыпальницей не одному поколению: за недостатком места для нового погребения прежние костяки сдвигались с их погребальным инвентарем в кучу к стенке могилы. Например, в одной из сырцовых гробниц этого времени (162 (117) Ш. 1911) было открыто два погребения *in situ* и груда костей с шестью черепами.

Поскольку ширина могил с повторными захоронениями едва превышала ширину обычных могил, то форма погребального сооружения в виде склепа больше отвечала требованиям нового погребального обряда. Действительно, в IV—III веках, когда особенно часто наблюдаются случаи повторных захоронений в простых земляных гробницах, в Тузлинском некрополе появляется земляной склеп. Такая же картина была в Пантикапейском некрополе²⁵.

В некрополе у мыса Тузла к I веку до н. э. число повторных погребений в простых земляных гробницах сокращается, а в первых веках н. э., за редким исключением, они встречаются только в склепах.

В IV—III веках до н. э. получает большее распространение погребальный обряд, обусловленный определенными представлениями греков о загробном мире. Следуя этому обряду, в могилу вместе с покойниками клали монеты для уплаты в царстве Аида Харону за перевозку душ через реку Ахеронт. Поэтому число погребений с монетами возрастает.

Количество могил с оружием падает до 10%. То же наблюдается в некрополе Пантикапея. По-видимому, это связано с тем, что в городах Боспора варварский обычай положения в могилу воина его оружия изживался под влиянием все большей эллинизации негреческой части городского населения. Подобный процесс отмечается и в таких могильниках, как, например, Марицынский и Белозерский при скифских поселениях, расположенных вблизи Ольвии. В то же время у племен, обитавших на территории, куда влияние греческой культуры мало проникало, оружие в могилах продолжало встречаться по-прежнему часто. Позднее, во II—I веках до н. э. и первых веках н. э., когда сарматы стали селиться в боспорских городах и культура последних стала приобретать варварские черты, опять отмечается рост числа могил с предметами вооружения.

Особенность погребального обряда в некоторых могилах позволяет говорить об этнической принадлежности погребенных в них. К погребениям, имеющим греческие черты погребального обряда, следует отнести отдельные каменные могилы, о чем уже говорилось выше.

Погребальный обряд, связанный с негреческим происхождением погребенного, наблюдается, например, в могиле (142 (97) Ш. 1911), где наряду с характерным для женского погребения инвентарем (бусы, зеркало, привески в полтора оборота с пирамидками на концах) находилась трехгранная бронзовая стрелка. Такой состав погребального инвентаря уже приходилось отмечать в отдельных тузлинских могилах V—IV веков до н. э. Стрелки в женских погребениях были найдены в скифских курганах²⁶, но особенно характерны²⁷ они для сарматов VI—IV веков до н. э. до первых веков н. э. В сарматских женских погребениях часто находят оружие. Это позволяет исследователям ставить вопрос о женщинах — стрелках из лука. Археологический материал подкрепляется рассказом Платона²⁸ о том, что среди народов Понта было множество женщин, которых называли савроматидами и которые не только ездили верхом, но и владели луком и другим оружием и упражнялись в употреблении его

наравне с мужчинами. Эта особенность местного общества и способствовала сложению у греков мифа о воинственных амазонках Северного Причерноморья, сюжет которого изображался на краснофигурных аттических пеликах (сосуды), изготовлявшихся специально для боспорского рынка ²⁹.

По-видимому, этот погребальный обряд проник на Боспор вместе с его носительницами — сарматками или меото-сарматками, — которые, выйдя замуж за жителя приморского поселения, могли стать горожанками Азиатского Боспора. Браки между представителями различных местных племен, например меотами и синдами ³⁰, представителями местных племен и греками ³¹, засвидетельствованы письменными источниками. Но положение оружия в могилу умершей, возможно, имело чисто ритуальное значение, а не отражало ее действительного занятия военным делом в условиях городской жизни.

О проникновении меото-сарматов в города Азиатского Боспора может говорить и факт находки в одной из сырцовых могил (162 (117) Ш. 1911) бараньей кости в чашке. Обряд жертвенной пищи встречался у меотов, но особенно он был распространен у сарматских племен Нижнего Поволжья. С появлением сарматов в III веке до н. э. ³² в Прикубанье этот обряд получил более широкое распространение. Погребение Тузлинского некрополя содержит, по-видимому, одно из ранних свидетельств проникновения меото-сарматов в города и поселения Азиатского Боспора. Оно было подготовлено экономическими связями, установившимися между ними с начала IV века до н. э. ³³. Об этом свидетельствует некрополь не только Тузлинский, но и Фанагорийский ³⁴, а также меото-сарматский у станицы Усть-Лабинской.

Наличие в погребениях чашек с бараньей костью в первые века н. э. в Пантикапейском некрополе ³⁵ стало более частым явлением, что отражает уже более широкий приток сарматского населения на Боспор.

В погребении, где была найдена чашка с бараньей костью, находилась и чернолаковая чашечка с просверленным отверстием для подвешивания. Сосуды аналогичной формы, но сделанные из простой глины, имеющие сверлины, встречаются и на скифской территории ³⁶. Необходимость подвешивания чашечек была вызвана каким-то особым укладом жизни, отличным от городского.

К негреческим чертам описываемого погребения следует добавить и форму погребального сооружения в виде сырцовой гробницы. Она служила усыпальницей зажиточной семье (поскольку только в ней содержались золотые вещи), члены которой состояли и из представителей племен Прикубанья.

В одной простой земляной могиле в головах костяка были найдены кости птицы. Инвентарь этого погребения (154 (109) Ш. 1911) состоял из железного стригиля, железного кинжала, монеты, чернолакового килика и глиняной алабастриды. В греческих могилах Средиземноморья VII—VI веков до н. э. иногда содержались птичьи кости ³⁷. В V—II веках до н. э., особенно в островной Греции и Малой Азии, в могилу покойному продолжали еще класть напутственную пищу, но уже не мясную, а в виде яиц, орехов, устриц. Обряд, по которому покойника наделяли мясной пищей, у племен Северного Причерноморья сохраняется гораздо дольше. В частности, кости птиц были найдены в мавзолее Неаполя Скифского ³⁸. Сочетание в тузлинской могиле (154 (109) такой же жертвенной пищи и оружия заставляет считать, что в данной могиле был похоронен скорее синд, чем грек.

Инвентарь могил IV—III веков до н. э. состоял в основном из керамики и предметов украшений (бусы, браслеты, кольца, привески). Меньше встречалось вооружения и еще меньше палестрического инвентаря.

В музеях хранится очень немного предметов погребального инвентаря из могил IV—III веков до н. э. Комплексов этого времени известно еще меньше, чем из могил V—IV веков. Вероятно, это объясняется тем, что расписной и чернолаковой посуды в могилах IV—III веков по сравнению с могилами предшествующего времени было мало, а простая керамика, преобладавшая в погребальном инвентаре этого времени, была оставлена в Керченском музее, где во время войны она потеряла свой паспорт или погибла.

Порядок размещения погребального инвентаря в могилах IV—III веков до н. э. остается в основном прежним. Амфоры продолжают ставить в ногах. Найдено всего шесть амфор, две из них, по-видимому, гераклейские, с клеймами на горле. Клеймо на третьей амфоре не читается ввиду плохой сохранности. В могилах (в ногах костяка) иногда встречались обломки амфор. Вероятно, в это время обряд помещения целых амфор в могилу заменяется ритуалом положения их обломков.

Мелкие сосуды типа кувшинчиков, одноручных сосудов продолжают ставить группами около головы, плеч, локтей, в ногах; килики чаще всего в ногах. Зеркала по-прежнему кладут главным образом около левой руки. Только один раз зеркало было найдено за правым плечом (131(86)Ш.1911) и другой раз — в ногах на подстилке из камки (162(117)Ш.1911). Судя по описанию зеркал, тип их остается прежним: это бронзовый диск диаметром от 0,85 до 0,19 м с деревянной рукояткой, прикрепленной заклепками³⁹. Рукоятка сохранилась только у одного зеркала (162(117)Ш.1911).

В женских погребениях, как и прежде, встречаются бусы из сердолика, «финикийского», или глухого, стекла с белыми глазками, желобчатые из глухого стекла и т. д. В качестве украшений использовались раковины. В детском погребении в области шеи были найдены пять раковин с отверстиями для нанизывания (104(59)Ш.1911).

Украшений из металла очень немного: в основном они представлены привесками в виде овально согнутого прута в полтора оборота с пирамидками на концах, которые находят около черепа. В IV—III веках до н. э. они делались исключительно из бронзы.

Новой формой украшений, найденных в могилах IV—III веков до н. э., является бронзовая львиноголовая серьга, обтянутая листовым золотом. Изредка встречаются бронзовые гладкие кольца на фалангах пальцев, бронзовые гладкие серьги; браслетов тоже немного; один из них имеет на концах змеиные головки. Все они найдены около рук.

Встречаются пряслица. В одной могиле (175(130)Ш.1911) их было найдено пять штук. Положение пряслиц неопределенное: их кладут то в ногах, то около рук. Терракот нет. В детской могиле (104(59)Ш.1911) найдена одна фигурная ойнохоя. Менее определенным стало местоположение в могиле лекифов; они ставятся не только около рук, но и в ногах, чего в могилах V—IV веков до н. э. не наблюдается. Гораздо реже встречаются различные предметы, вложенные в руку покойного. Только в четырех могилах обнаружены вложенные преимущественно в левую руку различные предметы: в могиле (51(6)Ш.1911) — три медные монеты, в могиле 76(31) — большая раковина, в могиле 102(57) — низкий лекиф, в могиле 176(131) — 20 бронзовых стрелок. В земляном склепе на груди костяка 169(124) была найдена чашечка серой глины.

1

2

1 — Котила с краснофигурной росписью; середина V века до н. э. (могила 122 (77) Ш. 1911); ГИМ; 2 килик с чернофигурной росписью; конец VI века до н. э. (могила 52 (7) Ш. 1911); ГИМ

В редких погребениях воинов IV—III веков до н. э. были положены только бронзовые и костяные стрелы (111 (66), 51 (6), 176 (131) Ш. 1911 и в могилу из раскопок 1886 года).

Стригили открыты только в двух могилах (154 (109) Ш. 1911) и в могиле, раскопанной Ф. Гроссом в 1886 году⁴⁰.

Набор погребального инвентаря несколько меняется. В могилах нет таких предметов вооружения, как мечи и копья. Значительно увеличивается число погребений с монетами, относящимися ко второй половине IV века⁴¹, иногда к III веку до н. э. Чаще всего они вкладывались в рот покойнику (7 случаев), а также в руку; находили их и около плеча (4 случая), реже около руки, в ногах (2 случая), около колена и в головах (1 случай). Меняется и набор керамики: килики становятся заметно меньше; расписных киликов вовсе нет, сохраняются только чернолаковые солонки; в погребальном инвентаре отсутствуют одноручные чашки. Ойнохоя найдена только одна. Появляются сосуды новых форм: пелика с краснофигурной и акварельной росписью, канфар с орнаментом из накладной глины, чернолаковый канфар с каннелированным и гладким туловом, рыбное блюдо, простое блюдо большого диаметра (до 20 см).

Краснофигурной посуды в могилах IV—III веков до н. э. мало. Она представлена в основном лекифами двух типов: с краснофигурной (табл. 9, 1, 2; рис. 8, б) и сетчатой росписью (рис. 8, 7). Чернолаковая керамика встречается еще довольно часто (рис. 10, 5, 7, 8; 15, 1—5). Простой красноглиняной керамики много, но формы ее, судя по отчетам, мало разнообразны; преобладают одноручные сосудики, кувшины, миски и небольшие сосудики (рис. 16). В небольшом количестве найдена и сероглиняная керамика (кувшины и блюда). Новой формой простой керамики, появление которой надо связывать с III, а не с IV веком до н. э., является флакон (рис. 17, 2, 3).

Среди простой керамики III века до н. э. сосудов с полосатой росписью уже нет. Изготовление их прекратилось в IV веке. К такому типу сосудов этого времени относится

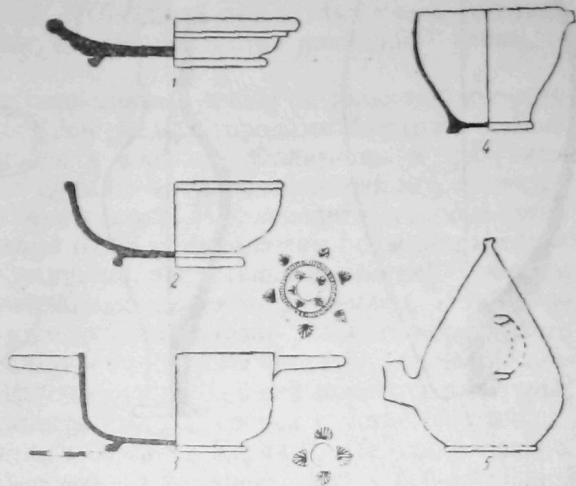

Рис. 15. Чернолаковая керамика IV века до н. э.: 1 — могила 13. Г. 1913; ГЭ; 2 — Ш. 1913; ГЭ; 3 — могила 12 Г. 1913; ГЭ; 4 — могила 5 Г. 1913; ГЭ; 5 — Ш. 1913; ГЭ.

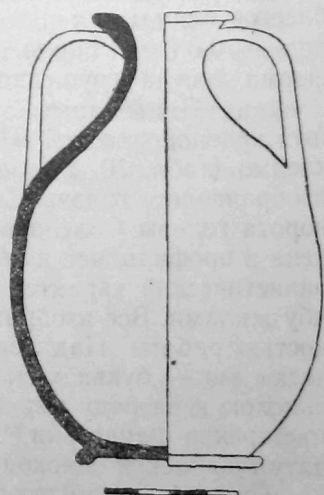

Рис. 16. Красноглиняная амфора. Находка 1956 года; ГИМ.

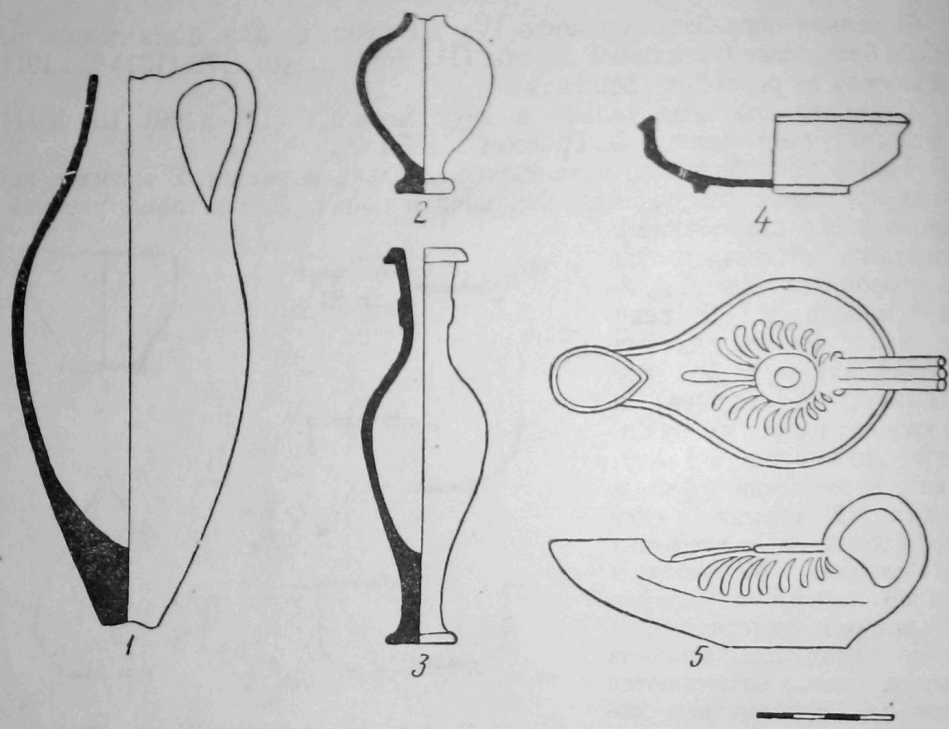

Рис. 17.

1 — кувшинчик (Ш. 1911); КАМ; 2 — флакон; III—I века до н. э. (могила 13 Г. 1913); 3 — флакон; II—I века до н. э. (Ш. 1911); КАМ; 4 — сероглиняная чашечка; I век до н. э. — I век н. э. (Ш. 1913); КАМ; 5 — светильник; III век н. э. (Ш. 1913); ГЭ.

ойнохой (табл. 10, 2) из насыпи могилы (56(11) Ш. 1911). Она сделана из хорошо обработанной, характерной для фанагорийских изделий глины красновато-коричневого цвета с мельчайшей примесью в виде блесток слюды. Стенки сосуда тонкие. Высота его 0,165 м, диаметр дна — 0,08 м. Горло ойнохой плавно переходит в тулово, поэтому форма сосуда грушевидная, и это сближает ее с клейменной же ойнохой из Пантикапея⁴². На тулове и ручке следы линий, нанесенных красной краской. Под центральной лопастью на тулове оттиснуто клеймо (табл. 10, 1) в форме круга (диаметром 0,03 м) с рельефным изображением головы Силена, повернутой в три четверти. Траковка поворота головы Силена весьма своеобразна: правая сторона ее представлена в профиль, нос и верхняя часть левой стороны лица — в фас. Натуралистический характер изображения подчеркивается вздвухшимися на лбу жилами. Все изображение отличается большой тщательностью и тонкостью работы. Над левым глазом Силена оттиснута буква «Ф», под челюстью — буква «А». Клеймо и глина сосуда позволяют отнести эту ойнохую к разряду мерных сосудов IV века до н. э., которые изготавливали мастерские Фанагории⁴³. Монета, найденная в погребении, подтверждает дату тузлинской ойнохой — IV век до н. э.

Судя по материалу могильника, импорт чернолаковой керамики сохраняется, но он становится менее интенсивным. Качество привозных сосудов неоднородно: на одних лак хороший, блестящий, на других он

сероватый с графитовым оттенком, что указывает на изготовление этих сосудов скорее в III веке до н. э., чем в IV веке.

На некоторых чернолаковых сосудах, перекаленных при обжиге, имеются красные пятна, что характерно для этого времени⁴⁴. На чернолаковой посуде нанесены штампом и процарапанной линией (рис. 15, 2, 3) орнаменты — прием, широко распространенный в IV—III веках до н. э.

Чернолаковая посуда импортировалась не только из Афин, но и из малоазийских центров. Малоазийские чернолаковые канфары с характерной формой ножки⁴⁵ (табл. 11, 2, 4) найдены нескольких типов (с гладким и каннелированным туловом, с орнаментом из накладной глины и без него).

В могилах найдены сосуды, свидетельствующие не только об импорте из Средиземноморья, но и о торговле между городами Азиатского Боспора. Это уже упомянутая ойнохоя с клеймом Фанагории и фигурная ойнохоя⁴⁶ (табл. 10, 3), которая, судя по ее глине, по-видимому, является тоже изделием фанагорийской мастерской. На передней стороне этой ойнохой (высотой 0,124 м, шириной 0,045 м) невысоким рельефом изображена сидящая боком на козле женщина, закутанная в гиматий⁴⁷. Фоном для нее служит люнетка, образованная каким-то растением. Изображение было раскрашено. Краски наложены на ангобу розовато-коричневого цвета, которая на фигуре женщины и животного местами хорошо сохранилась. Черным лаком с графитовым оттенком были покрыты некоторые детали изображения, гладкая задняя сторона сосуда и устье ойнохой.

Аналогичных два сосуда были найдены в Керчи⁴⁸. Все они, вероятно, являются изделием одной мастерской. О торговых связях с Фанагорией свидетельствуют не только эти два сосуда, но и фанагорийская монета второй половины III века до н. э.⁴⁹

Количество предметов, положенных в могилы, колеблется от одного до десяти. Различное количество предметов в могилах без учета их ценности не может служить надежным критерием имущественного положения погребенных. Драгоценных же изделий, особенно из золота и серебра, подчеркивающих богатство погребенных, в могилах Тузлинского некрополя этого времени очень мало. Только в одной могиле (162 (117) Ш. 1911) были найдены золотые бусы и бронзовые изделия, обтянутые золотом (серьга в виде львиной головы). Серебряные вещи совсем исчезают и заменяются изделиями из бронзы. Это касается прежде всего женских височных привесок в полтора оборота и перстней.

Таким образом, могилы IV—III веков до н. э. слабо отражают социальную дифференциацию. По-видимому, в грунтовом некрополе и в это время погребают рядовых граждан из греков и синдов. Более состоятельные, вероятно, погребались в курганах.

Глава V

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД II ВЕКА ДО Н. Э. — I ВЕКА Н. Э.

Дать полную характеристику Тузлинского некрополя II—I веков до н. э. нельзя, так как раскопаны только две могилы этого периода. Первая — сырцовая гробница (59 (14) Ш. 1911) с перекрытием из досок, поверх которых насыпан слой морского песка, смешанного с устричными раковинами. Судя по инвентарю, состоявшему из свинцового пряслица, золотых серег (рис. 18 и из бус (рис. 19, 17—19); это было женское

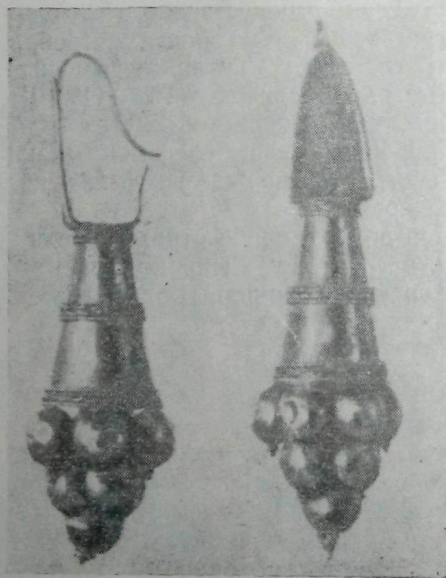

Рис. 18. Золотые серьги; II—I века до н. э. (могила 59(14) Ш. 1911); ГЭ.

погребение. Похороненная здесь женщина, по-видимому, не была гречанкой; об этом свидетельствуют найденная в ногах сероглиняная чашка диаметром 21 см) с двумя сверлинами для подвешивания, комок серы и золотые серьги особого типа. Эти серьги, не схожие с ювелирными изделиями греческих городов Северного Причерноморья, однотипны с серьгами, найденными в сарматском погребении III—I веков до н. э.¹ Этот тип серег стал широко известен в более позднее время на территории распространения аланской культуры, особенно на Кавказе.

Наличие серы в могиле тоже связано с сарматским погребальным обрядом², который был принесен мето-сарматами на Азиатский Боспор в последние века до н. э. Сера встречалась также в погребениях некрополя Фанагории.

Инвентарь могилы 59(14), если не считать серег, — более чем

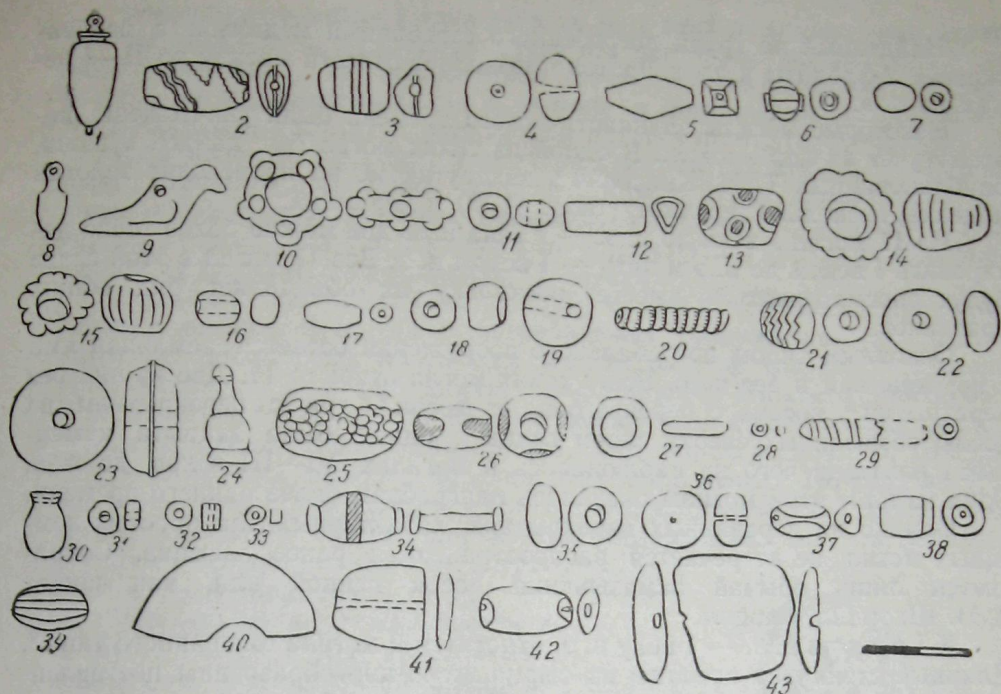

Рис. 19. Бусы II века до н. э.— III век н. э.:

1 — подвеска из горного хрусталя; 2—3 — бусины онисовые (всего в погребении найдено 6 штук); 4 — бусина сердоликовая; 5 — бусина бипирамидальной формы из синего стекла; 6 — бусина глухого стекла темного цвета; 7 — бусина глухого стекла темного цвета (3 шт.); 8 — подвеска синего стекла (1—8 из могилы 81(102) Ш. 1911; ГИМ); 9 — подвеска в виде птички из бронзы; 10 — бусина бронзовая; 11 — бусина глухого стекла серого цвета; 12 — пронизка костяная; 13 — бусина глазчатая глухого стекла зеленоватого цвета; 14 — бусина глухого стекла молочно-белого цвета (2 шт.); 15 — бусина глухого стекла голубоватого цвета; 16 — бусина глухого стекла сероватого цвета (9—16 из могилы 78(33) Ш. 1911; ГИМ); 17 — бусина синего стекла; 18 — бусина глухого стекла коричневого цвета; 19 — бусина сердоликовая (17—19 из могилы 59(14) Ш. 1911; ГЭ); 20 — пронизь рубчатая синего стекла (4 шт.); 21 — бусина глухого стекла с пестрым орнаментом; 22 — бусина глухого стекла серого цвета (20—22 из могилы 6 Г. 1913; ГЭ); 23 — бусина глухого стекла белого цвета, посередине шов; 24 — подвеска в виде амфорки, зеленоватое стекло; 25 — бусина массивная глухого стекла сероватого цвета с инкрустированной пестрой полосой (светло-голубой, желтый, зеленоватый цвета); 26 — бусина глухого стекла синего цвета с желтыми глазками; 27 — бусина глухого стекла черно-коричневой пасты; 28 — бусина синего стекла; 29 — пронизка глухого стекла синего цвета, перевита полоской глухого стекла белого цвета (23—29 из склепа III, камеры 2; раскопки 1951 г.); 30 — подвеска голубоватого стекла; 31—32 — бусины гешировые; 33 — бусина глухого стекла голубоватого цвета; 34 — пронизка из полупрозрачного стекла с прокладкой из золотой фольги; 35 — бусина глухого стекла красного цвета; 36 — бусина стеклянная зеленого цвета; 37 — бусина янтарная; 38 — бусина из оникса; 39 — бусина глухого стекла с разноцветными полосами (желтой, зеленой, красной); 40 — обломок янтарной бусины; 41 — половина янтарной бусины; 42 — бусина янтарная; 43 — бусина янтарная (30—43 из склепа I; раскопки 1951 г.).

скромный, в то время как в могилах V—III веков до н. э., содержавших золотые вещи, погребального инвентаря было больше. Скромность инвентаря, по-видимому, объясняется общими тенденциями к его сокращению в этот период.

Вторая могила была земляной (145 (100) Ш. 1911), перекрытой каменными плитами, однако стенки ее были обмазаны тонким слоем глины.

Найденный на груди погребенного серебряный медальон с изображением Афродиты и двух Эротов³ позволяет отнести могилу ко II—I векам до н. э.

Некоторые могилы эллинистического времени были уничтожены, поэтому учет их невозможен. В одной из таких могил был найден кувшин, опубликованный Т. Н. Книпович⁴, из других могил происходят золотая поделка, несколько терракот (табл. 11, 3) и керамика.

Из 17 могил I века до н. э. — I века н. э. две можно более точно датировать I веком до н. э. и пять — I веком н. э. Все 17 могил в этой главе будут рассматриваться вместе, поскольку их объединяет ряд общих признаков.

Основным типом погребального сооружения остается земляная яма с перекрытием и без него. Всего таких могил открыто 14. Две из них без перекрытия⁵, восемь с перекрытием из досок⁶, три с перекрытием из досок, обмазанных сверху слоем глины⁷, одна⁸ была закрыта каменными плитами, чего не наблюдалось в могилах VI—III веков до н. э. Одна из плит этой могилы оказалась надгробием более раннего времени.

Однако на деревянных перекрытиях, характерных для простых земляных могил, не встречается распространенная ранее засыпка. Сохраняется лишь обычай замазывания досок глиной или, как пишет В. В. Шкорпил, сырцом.

K I веку до н. э. — I веку н. э. относится и могила смешанного типа⁹. Длинные стенки ее сделаны из сырца, короткие образованы поставленными на ребро каменными плитами. Перекрытие было сделано из досок и обломков плит.

В этот период впервые в некрополе у мыса Тузла появляется подбойная могила¹⁰ (с камерой шириной 0,53 м). Подобные могилы появляются здесь позднее, чем, например, в Фанагории, где наиболее ранняя подбойная могила относится к IV веку до н. э.¹¹, или в Пантикапее, где они известны с конца III века до н. э.¹². В I веке до н. э. — I веке н. э. по-прежнему у мыса Тузла встречались земляные склепы. К их числу относится одна могила, которую В. В. Шкорпил называет «сырцовой гробницей»¹³. Однако архитектура ее так своеобразна, что эта гробница скорее напоминает склеп, в котором одновременно сочетались и черты простой сырцовой гробницы. Могила выложена сырцовым кирпичом, сверху закрыта, как обычно, деревянными досками. Но, как в склепах, в восточной узкой стенке могилы высотой 0,79 м сделан подбой в виде лежанки длиной 1,82 м, шириной 0,70 м. Глубина могилы тоже необычна — 2,59 м. Не характерны для гробниц рассматриваемого времени ее ширина (1,14 м) и длина (2,56 м).

Устройство лежанок для покойника получило распространение в земляных склепах Пантикапея в I веке н. э. и позднее¹⁴. В Ольвии они известны с I века до н. э.¹⁵.

Следует отметить, что и другие могилы¹⁶ в виде простой земляной ямы также отличались чертами, характерными для склепов: во-первых, глубина их была довольно значительной (могилы 69(29) — 1,09 м; 72(97) — 1,16 м; 81(36) — 1,03 м); во-вторых, обломки черепицы помещались, как и в склепах III века до н. э., в ногах покойного; в-третьих, встречались повторные захоронения (могилы 72(27) и 81(36), хотя в это время погребение членов одной семьи происходило не в простой земляной гробнице, а в семейном склепе.

Могилы I века до н. э. залегали несколько глубже, чем могилы предшествующего времени, — от 1 м до 1,9 м.

Большинство могил I века до н. э. — I века н. э. уже, чем могилы IV—III веков до н. э., в связи с тем, что повторные захоронения в земляных гробницах, за исключением двух случаев (могилы 72(27) и 81(36), не производились. Но и могилы с повторными захоронениями ненамного шире могли с одиночными погребениями (0,40—0,65 м).

Для изучаемого времени характерны могилы глубиной 0,50—1,16 м¹⁷. Почти половина погребений были детскими, поэтому длина могил невелика. Ориентировка покойных в основном восточная (7 случаев) с отклонением на север и юг (по 2 случая), но встречается и западная (3 случая), южная (2 случая), юго-западная (1 случай).

В одной подобной могиле (114(69) Ш. 1911) отмечена южная ориентировка костяка. В подобных погребальных сооружениях это одно из наиболее характерных положений умершего, и не только в некрополе Пантикапея, но и в могильниках Прикубанья и Нижнего Поволжья¹⁸. В этой могиле была найдена краснолаковая чаша с клеймом, на дне которой с наружной стороны нацарапана, как определяет В. В. Шкорпил, монограмма, или знак, не поддающийся объяснению. По-видимому, это один из известных в Северном Причерноморье сарматских знаков, получивших несколько позднее широкое распространение. Все эти данные заставляют предположить, что погребенный был сарматом.

Черепом на юг лежал костяк и в другой могиле в виде простой земляной ямы. В ногах стояла чашка из черной глины, во рту была монета.

Приведенные примеры свидетельствуют, что южная ориентировка в одном случае связана с могилой, устройство которой типично для меото-сарматов и сарматов, в другом — с такой особенностью греческого обряда, как снабжение покойного монетой.

Обряд погребения, наблюдаемый в могилах I века до н. э. — I века н. э., претерпевает заметные изменения. На доски, закрывающие могильную яму, уже вовсе не насыпают морской песок, смешанный с устричными раковинами; на дне могилы не делают подсыпку из песка и ракушек, камки не подстилают. Монеты хотя и продолжают еще класть умершему, но этот обычай уже уходит в прошлое. Монеты обнаружены только в трех могилах, причем в одной из них (3 Ш. 1913) серебряные монеты сложены столбиком слева от костяка. В Тузлинском некрополе это наблюдается впервые. Подобное положение монет встречается в могилах и других некрополях Северного Причерноморья, но редко. Так, в одной могиле Пантикапейского некрополя¹⁹ столбиком лежали монеты конца III—II веков до н. э.; в склепе Херсонеса справа от покойного найдена стопка монет V—VI веков

Рис. 20.

Надгробие: I век до н. э. — I век н. э.

н. э.²⁰. Положение покойного головой на восток теперь выдерживается гораздо менее строго. Отсутствуют в могилах ямки-бофры, в которые ставились сосуды.

Но в этот период сохраняются еще некоторые черты обряда, ранее имевшиеся в Тузлинском некрополе. Речь идет о деревянном перекрытии могил и менее характерном погребении в гробе. Так, в двух могилах²¹ погребение было совершено в гробе, причем головой на восток. Над одним погребением²², в насыпи, были обнаружены обломки стеклянных и краснолаковых сосудов, в двух других могилах — раковины²³.

Над могилами I века до н. э. — I века н. э. ставились надгробия. К этому времени относится скульптурное поколенное изображение женщины с накинутым на голову покрывалом²⁴ (рис. 20). М. М. Кобылина, опубликовавшая этот памятник, справедливо считает, что он воспроизводит тип туземной женщины.

Размещение инвентаря в могилах I века до н. э. — I века н. э. несколько иное, чем в могилах IV—III веков до н. э. Между этим размещением и ориентировкой погребенного есть некоторая зависимость. У костяков с восточной, северо-восточной и юго-восточной ориентировкой сосуды в числе 2—3 размещались около ног; в погребениях с западной и южной ориентировкой — в головах. В сарматских подбойных могилах, где костяки лежали черепом на юг, погребальный инвентарь обычно сосредоточивался у головы. То же наблюдалось в подбойной могиле Тузлинского некрополя.

В погребениях с западной ориентировкой были найдены точильные бруски. В двух могилах сосуды были найдены поставленными между ног. Это впервые отмечается в некрополе у мыса Тузла. При погребениях в гробах инвентарь ставился как снаружи, так и внутри гроба.

Сильно изменился состав инвентаря. Отсутствуют амфоры. Из керамики преобладает краснолаковая с клеймами и без них. Почти в каждой могиле находилась посуда из прозрачного стекла. Резко возрастает количество бус, из которых делались не только ожерелья, но и украшения для рук, подобные браслетам (могила 136(91)²⁵. В могилах было найдено по 13, 19, 22, 29, 30 и даже 67 различного вида бус (рис. 19). Самые распространенные из них — сердоликовые, лигнитовые, глухого стекла, из «цветной композиции», реже встречались янтарные, халцедоновые, хрустальные и бронзовые (табл. IV, 1—4). Характерно, что среди бус имелись привески в виде птички, гермы, колокольчика, кольца, сделанные из бронзы.

Появляются фибулы (булавки) «простейшего» типа (рис. 13, 2). Положение фибул довольно определенное. В трех женских погребениях они лежали в области груди костяков и обязательно сопровождалась бусами. Одна фибула найдена в груди костей.

В женских погребениях, помимо бус, обнаружены серьги, сделанные в форме простых бронзовых колечек (могилы 136(91), 68(23)Ш.1911). В одном из погребений найдены височные подвески в виде овально согнутого прута с пирамидками на концах. Это те подвески, которые широко были распространены в V—II веках до н. э. и которые, переходя по наследству, вероятно, дошли до I века до н. э. — I века н. э.²⁶.

Встречаются надетые на одну или две руки браслеты следующих форм: 1) толстый бронзовый с шариками на обоих концах, весь обмотанный тонкой проволокой (136(91)Ш.1911); 2) гладкий (в той же могиле, а также в гробницах 78(33), 68(23)Ш.1911).

Перстней мало. В одной могиле (143(98)Ш.1911) были впервые в этом некрополе найдены бронзовый и железный перстни со вставками

из гладких стеклышек белого цвета. Из бронзовых предметов следует упомянуть еще шпильку, найденную около черепа в могиле 127(82)Ш. 1911.

Эти вещи дают полное представление о женских украшениях I века до н. э. — I века н. э. Одежда на груди закалывалась фибулой, на шее женщины носили нитку пестрых бус, на руках — браслеты, в ушах — серьги, на пальцах — кольца. Волосы закрепляли шпилькой. Благодаря украшениям женские погребения выглядят богаче по инвентарю, чем мужские, где встречалась только керамика. Аналогичное явление уже отмечалось при характеристике могил предшествующего времени. Но в женских могилах этого времени отсутствовали часто встречавшиеся в погребениях IV—III веков до н. э. пряслица и зеркала.

Все металлические украшения были сделаны из бронзы. Изделий из драгоценных металлов, за исключением 10 серебряных монет из могилы ЗШ.1913 и обрывков листового золота, найденных в могиле 72(27)Ш.1911 на груди покойного, совсем нет.

В одной детской могиле 143(98)Ш.1911 были положены две терракоты, изображающие стоящих женщин: одну с собачкой, другую с мальчиком.

Оружия в могилах I века до н. э. — I века н. э. совсем не было.

Монеты найдены в трех могилах. Положение их по отношению к погребенному различно: в могиле ЗШ.1913 10 монет было сложено столбиком около левой руки костяка, в могиле 164(119)Ш.1911 — синопская монета I века до н. э. лежала во рту погребенного и, наконец, монета плохой сохранности была в насыпи могилы 81(36)Ш.1911.

Целиком собрать комплекс вещей из каждой могилы не удалось. Наиболее полно представлен инвентарь гробниц 81(36), 78(33) и 71(26)Ш. 1911.

Из краснолаковой керамики найдены только миски. Они делятся на два типа. I. Миски с плоским дном, вертикальными бортиками и сравнительно невысокой кольцевой подставкой. Форма мисок очень четкая, грани острые. Этот тип посуды, представленный в собрании ГИМ двумя экземплярами (табл. 13, 1, 2) и в собрании Керченского музея²⁷ — тремя, относится к наиболее распространенному типу малоазийской краснолаковой керамики. Он находит аналогию среди керамики боспорских городов²⁸, Ольвии²⁹ и Чандарли³⁰. Эти миски датируются I веком н. э. на основании следующих признаков:

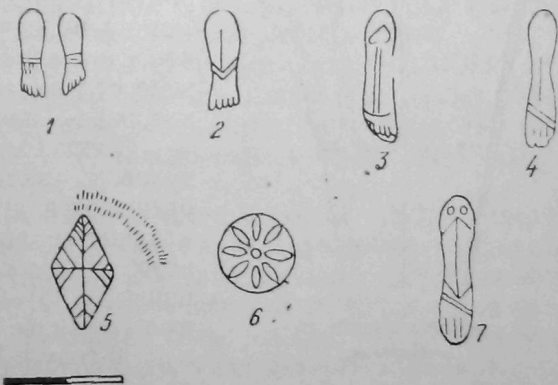

Рис. 21. Клейма на краснолаковых мисках: 1 — разграбленная могила (Ш. 1913); ГЭ; 2 — могила 68(23) Ш. 1911; ГИМ; 3 — могила 78(33) Ш. 1911; ГИМ; 4 — Ш. 1911; КАМ; 5 — Ш. 1911; КАМ; 6 — могила 82(37) Ш. 1911; ГИМ; 7 — Ш. 1911; КАМ.

во-первых, все они, за исключением одной, имеют клейма (рис. 21, 1—7), во-вторых, лаком у них покрыта не вся поверхность наружной стороны, что характерно для этого времени³¹.

II. Миски со стенками без четкого членения, гладкие и имеющие

округлую форму; у одной миски стенки немного загибаются внутрь. Поддоны у этих мисок невысокие. В Северном Причерноморье этот тип, представленный в собрании ГИМ двумя экземплярами (табл. 14, 1, 2) и в собрании Эрмитажа мисочкой на плоском поддоне, не получил такого широкого распространения, как первый. Например, в Мирмекии и Тиритаке он не встречался, но в Ольвии миски подобного типа были найдены. Т. Н. Книпович считает их тоже малоазиатскими.

Одну миску с клеймом в виде восьмилепестковой розетки (рис. 21, б) можно отнести к самосской продукции, так как на самосских сосудах подобные клейма хорошо известны³² и лак на самосских чашах, описанный Т. Н. Книпович, очень близок к лаку сосуда Тузлинского могильника.

Стеклянные сосуды, найденные в могилах I века до н. э. — I века н. э., мало разнообразны: это стаканы, бальзамарии, четырехгранные сосуды, сосуд типа ойнохои. Наиболее распространенными были бальзамарии (табл. 12, 2) и стаканы, последние представлены двумя типами. Стаканы первого типа имеют банкообразную форму, слегка расширяющуюся книзу. Верхний край их немного отогнут наружу. Имеется поддон с углублением или без него (табл. 12, 1). Подобные стаканы известны в Херсонесе³³. В Ольвии³⁴ такой сосуд был найден в могиле, которую Б. В. Фармаковский датирует II—I веками до н. э. Однако стакан был найден совместно с краснолаковой тарелкой, характерной для I в. н. э., которая и должна датировать эту могилу.

Стакан второго типа найден в могиле 140 (95) Ш. 1911 (рис. 22). Он колоколообразной формы, с отогнутым краем и лепешкообразным сплошным поддоном. Почти три четверти верхней части стакана занимает рельефный орнамент в виде продолговатых ячеек, который образован стеклянной нитью довольно большого диаметра. Такие стаканы были менее распространены; можно найти ему аналогию по форме³⁵, но по характеру орнаментации он очень своеобразен. Стакан найден в могиле вместе с краснолаковой чашей I века н. э., имеющей клеймо в виде ступни, обутой в сандалию, на пятке которой — розетка.

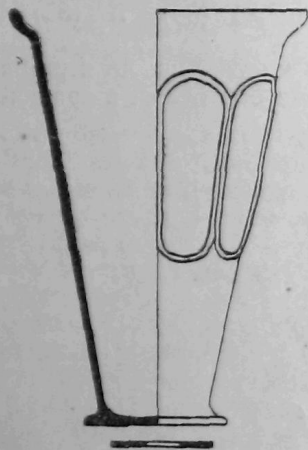

Рис. 22. Стеклянный стакан (могила 140(95) Ш. 1911); ГЭ.

Стеклянные сосуды с четырехгранным туловом, узким круглым горлом и ручкой отличаются друг от друга по высоте тулова и длине горлышка. Имеются два варианта этого типа сосуда. Первый вариант из гробницы 81(36) (табл. 12, 3) аналогичен сосуду из могилы, раскопанной К. Е. Думбергом в 1900 году в Керчи³⁶. Найденная там монета Агриппии-Кесарии (14—8 гг. до н. э.) позволяет датировать ее рубежом I века до н. э. — I века н. э. или скорее всего началом I века н. э.

Рассматриваемый сосуд, найденный вместе со стаканом первого типа, тоже относится к тому времени. Поэтому датировка этих стеклянных сосудов и бальзамария из одной и той же могилы является довольно точной.

Второй вариант четырехгранного сосуда (табл. 12, 4) был найден с клейменной краснолаковой тарелкой I века н. э. Это дает основание считать, что оба варианта одного типа сосуда были одновременными.

Глава VI

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД I—IV ВЕКОВ Н. Э.

Двадцать могил мы относим к I—III векам н. э.¹ Содержащиеся в них краснолаковая керамика и стекло в музейных собраниях почти не сохранились. Поэтому нет возможности разбить эти могилы на более дробные хронологические группы.

Шесть гробниц представляли собою простые земляные ямы, четыре — подбойные могилы, семь — земляные склепы, одна — земляную могилу со стенками, обмазанными тонким слоем глины, одна — каменную могилу, устройство одной разграбленной могилы неизвестно.

Одна из земляных могил перекрыта досками (144(99)Ш.1911), три — досками, замазанными сверху слоем глины (79(34), 80(35), 146(101)Ш.1911), одна — бревнами, заложенными двумя рядами сырцовых кирпичей (138(93)Ш.1911). И только одна могила (83(38)Ш.1911) перекрытия не имела.

Таким образом, совсем исчезает обычай засыпки могил поверх их деревянного перекрытия песком и устричными раковинами, но шире распространяется замазывание глиной или закладывание досок гробницы сырцовым кирпичом². Однако деревянное перекрытие сохраняется на всем протяжении существования Тузлинского некрополя. По-видимому, это объясняется особенностями погребальной архитектуры меотов и синдов. Все исследованные грунтовые некрополи Синдики связаны с приморскими греческими городами, и поэтому у нас нет возможности сравнить погребальные сооружения Тузлинского некрополя с погребальной архитектурой грунтовых некрополей синдских поселений. Курганные же группы у Семибратнего городища V—IV веков до н. э., у Анапы III века до н. э. и даже у Фанагории V—III веков до н. э., как и отдельные курганы, например Зеленской, доказывают широкое применение перекрытия погребальных камер деревянными брусьями и бревнами. В курганах Прикубанья встречаются различные варианты деревянных перекрытий: плоские (усть-лабинские, воронежские, роговский) и шатровые (ульские,

костромские), относящиеся в основном к VI веку до н. э. Они свидетельствуют о том, что у меотов и синдов с древних времен применяют деревянные перекрытия погребальных сооружений. Деревянные перекрытия погребальных камер известны в курганных некрополях не только синдомеотов, но и на большой территории Северного Причерноморья, которая была занята скифскими племенами. С. И. Капошина³ связывает применение деревянных перекрытий в ольвийском некрополе с особенностями погребальных сооружений скифов. В Пантикапейском некрополе южного склона горы Митридат есть ряд могил VI—V веков до н. э. с деревянным перекрытием. Гробницы этого района имеют еще ряд черт, которые позволяют считать их некрополем негреческого населения Пантикапея⁴.

В Тузлинском некрополе деревянные перекрытия могил надо рассматривать как одну из особенностей синдской погребальной архитектуры.

Могилы были открыты на глубине от 0,71 до 2,02 м, но преимущественно залегали они глубже 1,7 м. Ширина могил — 0,4—0,7 м, длина — 0,85—2,17 м, в зависимости от роста погребенного. Могилы были довольно глубокие — 0,5—0,83 м, но встречались и мелкие — 0,3 м.

Подбойные могилы⁵ были открыты на глубине 1,2—1,87 м. Длина подбоя — 1,78—1,88 м. Подбоя довольно узкие — 0,45—0,66 м. Высота их различная: от 0,25 до 0,74 м. Подбой устраивался с восточной стороны и лишь в одном случае с юго-восточной. Вход был заложен сырцовою стенкой.

В первые века н. э. в Тузлинском некрополе возрастает количество земляных склепов. Их, как мы уже сказали, насчитывается семь⁶. К сожалению, устройство склепов во многом остается неясным из-за их плохой сохранности, а также неточности и неполноты описаний, особенно в отчетах В. Н. Глазова (раскопки 1913 и 1916 гг.). Несколько лучше известна архитектура только трех склепов, исследованных И. Б. Зеест в 1951 году⁷. Они состояли из камер, короткого дромоса и колодца. Размеры их различны. Погребальная камера склепа № 3, например, имела размер 2 × 2 м, высоту 1,6 м; колодец склепа был размером 1,8 × 0,8 м, глубиной 2 м. В погребальной камере некоторых склепов (№ 1) в стене, расположенной против входа, устраивалась ниша с лежанкой шириной 0,8 м, длиной 1,8 м. Пол камер лежал ниже дна дромоса.

Преобладающая ориентация покойного — восточная (4 случая) с отклонением на север (4 случая), на юг (2 случая). Но встречается также ориентация костяков на юг и северо-запад (по 3 случая). В подбойных могилах наблюдаются не только характерное для них положение покойного головой на юг, но и на северо-восток.

Изменяется обряд погребения. Подсыпка совсем не встречается. В случае погребения без гроба тело покойного клалось непосредственно на земляное дно. Погребений в деревянных гробах и саркофагах значительно больше, чем в предшествующий период. Их открыто 8⁸. Они совершались главным образом в земляных склепах, реже в простых земляных могилах.

Саркофаги делались из досок, которые затем окрашивались⁹. На некоторых из них имелись гипсовые украшения. Одно из украшений-налепов представляло собой голову сатира¹⁰ (табл. 11, 1). Такое же гипсовое изображение сатира было обнаружено в одной могиле Пантикапея, которую можно датировать монетой Римиталка, найденной в ней, т. е. второй половиной II века н. э.¹¹. Изображения сатиров из некрополей у мыса Тузла и Пантикапея настолько совпадают, что можно сделать

предположение о заказе гипсовых наделов или даже всего тузлинского саркофага в мастерской Пантикапея.

Повторных погребений в простых земляных могилах I—III веков нет, но они встречаются почти в каждом неразграбленном склепе.

Количество инвентаря в могиле значительно сокращается. Он состоит из одного-двух и очень редко пяти сосудов из стекла и глины (могила 83 (38) Ш. 1911, 138 (93) Ш. 1911). В женских погребениях к ним добавляются украшения, в мужских — предметы вооружения.

Посуда ставилась в ногах или в головах, редко и тут и там (могила 83 (38) Ш. 1911). В некоторых случаях сосуды помещались около руки (могила 79 (34), 70 (35) Ш. 1911) и даже на груди (могила 80 (35) Ш. 1911). Форма посуды не отличается разнообразием: из краснолаковой встречаются чашки, двуручные сосуды и тарелки. Стеклянная посуда представлена главным образом бальзамариями и, кроме того, чашками, «стаканами с двумя ручками», стаканом и сосудом типа ойнохой.

В погребениях I—III веков найдено значительно меньше бус, чем в могилах предшествующего периода; причем в одной могиле от 5 до 10, в то время как раньше их бывало свыше 60. Бусы (рис. 19) встречаются сердоликовые, лигнитовые, янтарные, гешировые, «цветной композиции», изредка хрустальные и бронзовые подвески в виде колокольчиков. В одном женском погребении (подбойная могила 74 (29) Ш. 1911) найден браслет из бусин.

Изделий из металла немного. В женских погребениях были найдены металлические предметы — украшения. Например, бронзовые браслеты (могила 83 (38), 75 (30), 74 (29) Ш. 1911). Некоторые из них имели расширяющиеся концы. Серег в простых земляных могилах не было. Золотая серьга со вставкой из прозрачного красного стекла найдена в разграбленном склепе № 3 из раскопок 1951 года¹². Там же обнаружено бронзовое кольцо со вставкой из горного хрусталя¹³. В одном из погребений найдена бронзовая ложечка, лежавшая в деревянной шкатулке.

Бронзовые фибулы были найдены в женском (83 (38) Ш. 1911) и, по-видимому, мужском погребении (138 (93) Ш. 1911) в земляных могилах, обломки фибул — в склепах из раскопок 1951 года. В женском погребении две фибулы были обнаружены в области плеч, в мужском — на груди. Тип фибул неизвестен, так как они не сохранились.

Бронзовые и железные поясные пряжки были найдены в трех погребениях (74 (34), 138 (93), 132 (87) Ш. 1911). Они лежали по одной или по две у талии. Форма пряжек неизвестна.

Оружия в могилах I—III веков было мало. В основном оно обнаружено в склепах¹⁴. Только в одной из земляных могил (138 (93) Ш. 1911) найдено погребение воина. Эта могила дает набор вооружения того времени. У левого бока костяка лежал железный меч длиной 0,93 м, который, по-видимому, был прикреплен ремнем; от последнего сохранились у талии две пряжки, бронзовая и железная, и два бронзовых наконечника ремня. У правого плеча найден наконечник копья длиной 0,28 м и кинжал такой же длины с навершием в виде крупной бусы из белой массы. Слева, рядом с мечом, был положен нож. Возле талии — два кремня, а на груди — сера.

В двух могилах (138 (93), 132 (87) Ш. 1911) были найдены железные ножи: в одной — у левого бока, в другой — слева около ног.

Монет в погребениях I—III веков не найдено.

В тузлинских склепах, судя по аналогии с некрополями этого времени других городов, вероятно, имелись изделия из золота и серебра.

Но, поскольку почти все они были ограблены, в них мало найдено вещей из драгоценных металлов. В склепах, раскопанных в 1951 году, обнаружены изделия в основном из золотой фольги (две пряжки с изображениями, обрывки золотых листиков аптия от погребальных венков, индикация) и только одна золотая серьга со вставкой из прозрачного красного стекла.

В целом инвентарь погребений I—III веков гораздо беднее инвентаря могил даже II века до н. э. — I века н. э. Количество посуды очень ограничено, немногочисленные украшения носят довольно скромный характер, изделия из золота и серебра заменяются имитациями из золотой фольги.

Возросшее в I—III веках количество земляных склепов с более богатым инвентарем до некоторой степени свидетельствует о дальнейшем социальном расслоении, о выделении богатых семей. Но этим провинциальным семьям было далеко до богатых столичных семей Фанагории и особенно Пантикапея. Сравнение погребальных сооружений и инвентаря двух некрополей — Пантикапейского и Тузлинского — I—III веков н. э. наглядно убеждает, что последний был провинциальным, бедным некрополем, как и поселение, с которым он был связан.

В могилах I—III веков были найдены надгробия, причем почти все вторичного использования. Они служили перекрытием земляных могил и закладом входов в склепы. Однако эти надгробия по своему типу не могут быть связаны с ранним временем, скорее всего их надо отнести к началу рассматриваемого периода, то есть к I—II векам.

Эти надгробия представлены двумя типами. Первый тип — это стела с изображениями различных сцен или без них¹⁵, но с надписями, в которых указывалось имя умершего. Надгробие, найденное в склепе

85 (40), В. В. Шкорпил отнес к римскому времени. Расположение рельефных сцен на надгробии в два яруса, получившее особенно широкое распространение в I веке н. э., уточняет его датировку. Обращает на себя внимание имя умершего — Сотер, — которое не встречалось в боспорской эпиграфике, но известно в городе Амисе. Вероятно, умерший был амисцем. Благодаря этому надгробию мы можем судить о жителях поселения или городка, с которым был связан некрополь. Среди них были не только коренные боспорцы, но и обитатели Южного Причерноморья. Выходцы с Малоазийского побережья Черного моря селились, таким образом, не только в столице Боспорского царства¹⁶, но и в его малых городах.

Рис. 23 Надгробие II—III веков н. э.

В 1852 году К. Бегичев открыл надгробие вторичного использования с изображением всадника на мчащейся лошади. Надгробия с таким изображением получили широкое распространение на Боспоре во II веке н. э.¹⁷ Поэтому тузлинское надгробие можно отнести к этому времени.

Второй тип надгробия — это круглая скульптура в виде погрудного изображения женщины с наброшенным на голову покрывалом¹⁸. По характеру изображения это надгробие, напоминающее скульптурные над-

гробия Херсонеса II—III веков¹⁹, является одним из поздних памятников Тузлинского некрополя (рис. 23.).

К началу IV века н. э. относится одна земляная детская могила (116 (71) Ш. 1911), датируемая двумя монетами 296 и 326 годов. Она открыта на глубине 1,88 м. Могила узкая (0,32 м), но довольно глубокая (0,62 м). Длина ее 1,18 м. Погребение было совершено в деревянном гробу. Могила не содержала никакого инвентаря, за исключением двух вышеупомянутых монет.

Эта могила — самая поздняя в Тузлинском некрополе. Во второй половине IV века н. э. некрополь прекращает свое существование. По-видимому, к этому же времени относятся найденные случайно в 1924 году при обвале берега вещи «готского» времени²⁰.

Вопрос о том, какому древнему поселению принадлежал Тузлинский некрополь, уже был поставлен в исторической науке.

М. И. Ростовцев считал его некрополем Гермонассы¹, В. В. Шкорпил связывал некрополь с городищем в станице Таманской, в котором он видел остатки древнего города Кеп или Корокондамы², В. Ф. Гайдукевич³ и некоторые другие исследователи называют некрополь корокондамским, что представляется нам более вероятным.

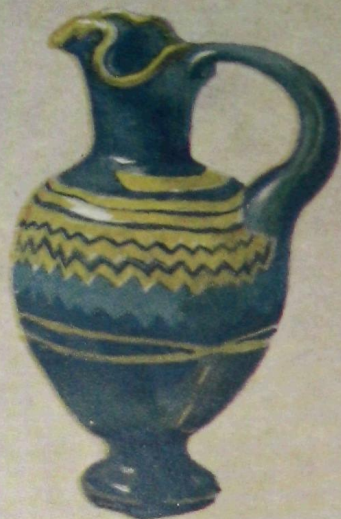
Согласно античным источникам, на побережье острова Гермонасса в VI—IV веках до н. э. располагались три крупных населенных пункта — Горгиппия, Гермонасса и Корокондама (рис. 24), к которым мог бы быть отнесен некрополь. Однако Горгиппию мы должны исключить без особого труда, так как местонахождение этого города твердо установлено на территории, где расположена современная Анапа. Здесь располагался и некрополь Горгиппии. Более трудно решить вопрос о том, принадлежал ли Тузлинский некрополь Гермонассе или Корокондаме.

Местоположение Гермонассы в настоящее время точно установлено. Город находился на месте современной станицы Таманской. Около городища располагался курганный и грунтовой некрополь, который в последние годы исследуют особенно интенсивно. Тузлинский некрополь отстоит от Таманского городища на 6—8 км. Но это еще не доказывает, что он не мог принадлежать Гермонассе. Есть примеры, хотя и редкие (Милетский некрополь), когда грунтовой некрополь значительно удален от города. Однако расстояние в 6—8 км слишком велико, и больше того: грунтовой некрополь Гермонассы с могилами VI—II веков до н. э. обнаружен в станице Таманской. Трудно предположить, чтобы жители Гермонассы одновременно хоронили в двух некрополях, один из которых (Тузлинский) отстоял на много километров. Поэтому вероятнее всего, что Тузлинский некрополь принадлежал Корокондаме.

Рассмотрим вопрос о местоположении Корокондамы, по которому до сих пор нет единого мнения. Наиболее ранние сведения об этом поселении, приведенные у Страбона⁴, не позволяют точно его локализовать. Но все же мы можем сказать, что у него идет речь о северо-западном угле Таманского полуострова.

1

2

3

4

5

«Финикийские» сосуды конца VI—V веков до н. э.:

1 — амфориск (могила 123 (78) Ш. 1911); ГИМ; 2 — Ойнохоя (могила 109 (64) Ш. 1911); ГИМ; 3 — Амфориск. (Ш. 1913); ГЭ; 4 — Амфориск (могила 113 (68) Ш. 1911); ГИМ; 5 — Алабастр (могила 98 (53) Ш. 1911); ГИМ

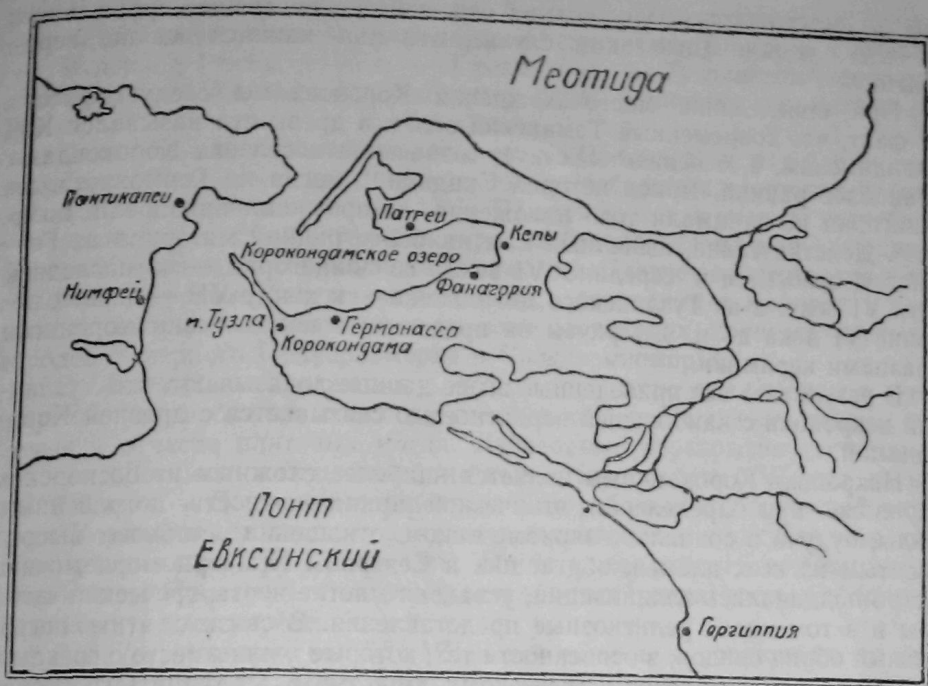

Рис. 24. Карта Таманского полуострова.

Более определенно говорится о местоположении Корокондамы у Псевдо-Арриана ⁵: «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондамой, лежащее на перешейке или узкой полосе между озером и морем».

Современные исследователи помещают Корокондаму почти тут же, и локализация ее расходитя у них в сущности лишь на несколько километров. Так, М. И. Ростовцев ⁶, В. Д. Блаватский ⁷ считают некрополь около бывшего хутора Кротенко некрополем Корокондамы, а поселение, раскопанное около Пяти Колодезей, В. Д. Блаватский связывает с остатками Корокондамы. Однако расположение этого поселения противоречит данным Псевдо-Арриана. Оно теперь находится в 1 км от берега моря, а в античную эпоху отстояло от него еще дальше.

В. В. Латышев ⁸, В. В. Соколов ⁹, В. Ф. Гайдукевич ¹⁰, Э. Миннз ¹¹ помещают Корокондаму на 3 км севернее и полагают, что она была расположена около современного мыса Тузла. Действительно, виденные В. В. Шкорпиллом развалины фундаментов древних жилищ у тузлинской грязелечебницы, а также приведенный им рассказ старожилов о прекрасном колодце недалеко от мыса Тузла ¹² позволяют говорить об остатках существовавшего здесь поселения. Наконец, ценно для нас и сообщение В. В. Соколова ¹³ о том, что раскопанные могилы находились в культурном слое.

Однако специальных археологических изысканий Корокондамы здесь не проводилось и поэтому трудно еще с определенностью решить вопрос об ее локализации. Тем более что решение этой проблемы осложняется непрерывными географическими изменениями, которые происходят из-за интенсивного подмывания берега и перемещения песчаных кос в этом районе ¹⁴. Возможно, что поселение Корокондама, лежав-

шее, по словам Псевдо-Арриана, на перешейке, в настоящее время почти все смыто морем. Во всяком случае, это нам кажется вполне вероятным.

При определении местонахождения Корокондамы следует учесть тот факт, что современный Таманский залив в древности назывался Корокондамским, а это свидетельствует о значении поселения Корокондама в наиболее ранний период истории Синдики¹⁵, когда ни Гермонасса, ни Фанагория не занимали того положения, которое они приобрели позднее¹⁶. Действительно, известный нам наиболее ранний материал из Гермонассы относится к середине VI века, из Фанагории — к последней трети VI века, а из Тузлинского могильника — к концу VII — первой половине VI века до н. э. Причем он представлен часто очень хорошими образцами керамики.

В результате все приведенные выше данные доказывают, что Тузлинский некрополь с наибольшей вероятностью связывается с древней Корокондамой.

Некрополь Корокондамы является наиболее сложным из боспорских некрополей при определении этнической принадлежности погребенных. Синды, будучи в социально-экономическом отношении наиболее высоко развитым из всех племен, обитавших в Северном Причерноморье, очень быстро поддавались эллинизации, усваивая многие черты греческой культуры и в том числе религиозные представления. В связи с этим погребальный обряд синдов, в особенности тех, которые жили вместе с греками, быстро становился близок к греческому. Поэтому разграничить греческие и синдские погребения в одном некрополе очень трудно.

О принадлежности Корокондамы синдам говорит и ее негреческое название¹⁷. После появления в Синдике греков Корокондама превращается в греко-синдское поселение. О смешанности населения уже в V веке до н. э. говорит упоминание на надгробиях этого времени наряду с синдскими именами имен греков-ионийцев. Выяснить синдский погребальный обряд в Тузлинском некрополе могли бы помочь могилы раннего времени. Но, к сожалению, наши сведения о некрополе у мыса Тузла рубежа VII—VI веков до н. э. и большей части VI века базируются в основном на вещах из хищнических раскопок, а хорошо раскопанные могилы от конца VI и V века до н. э. уже свидетельствуют о сильной эллинизации, что наблюдается и в последующее время. Однако при общей характеристике некрополя мы еще раз попытаемся отметить те черты в погребальном обряде, которые характерны для Тузлинского некрополя.

Погребальные сооружения Тузлинского некрополя на всем протяжении его развития не оставались без изменений. Наиболее распространенным типом могилы была земляная яма, которая наблюдается с VI века до н. э. до IV века н. э.

С рубежа VI—V веков до н. э. в некрополе появляются сырцовые могилы, которые сооружались здесь до I века до н. э. В последующие века в некрополе эти могилы уже почти не встречаются. Сырцовые могилы характерны для Синдики, о чем позволяет говорить большое число их в курганных некрополях Семибратнего городища, Горгиппии и Фанагории. Именно в сырцовых могилах чаще всего наблюдаются варварские черты погребального обряда. Район распространения сырцовых могил совпадает с территорией, которая была занята синдами.

Остальные типы погребальных сооружений нехарактерны для Тузлинского некрополя. В IV—III веках до н. э. появляются в небольшом количестве плитовые могилы и земляные склепы. Последние получают,

как и в других некрополях Боспора, большее распространение в первые века н. э. Плитовые же могилы позднее встречаются в виде исключения.

В период I века до н. э. — I века н. э. в Тузлинском некрополе известны подбойные могилы, которые были принесены сарматами на Боспор.

Таким образом, можно сказать, что до IV века до н. э. в Тузлинском некрополе было мало различных типов погребальных сооружений (земляная яма, сырцовая могила). С IV—III века до н. э. и позднее погребальная архитектура становится более разнообразной (земляная, сырцовая, плитовая могилы, склеп, подбойные могилы). Следует отметить, что в тузлинском некрополе отсутствуют детские захоронения в амфорах и черепичные могилы, встречающиеся во всех некрополях крупных греческих городов Северного Причерноморья и Средиземноморья.

Особенностью Тузлинского грунтового некрополя является очень широкое употребление досок и бревен для перекрытия земляных, сырцовых и отчасти плитовых могил. Деревянные перекрытия сохраняются на всем протяжении существования некрополя, то есть с VI века до н. э. до IV века н. э. Деревянные перекрытия погребальных сооружений некрополя Корокондамы находят аналогию в синдских и прикубанских меотских могильниках курганного типа. Поэтому мы считаем возможным видеть в этом одну из особенностей погребальной архитектуры аборигенов Таманского полуострова.

Следует отметить, что для VI—I веков до н. э. характерна засыпка поверх деревянного перекрытия могил морским песком, смешанным иногда с ракушками или камкой. Наряду с такою засыпкой в IV—III веках появляются могилы, деревянное перекрытие которых замазано сверху глиной. Последнее сохраняется у могил первых веков н. э., то есть тогда, когда исчезает засыпка из песка, ракушек и морской травы.

Размер могил и глубина их залегания в различное время были различными.

Погребальный обряд также имеет свою эволюцию. В Корокондамском некрополе господствует труположение. Сожжение наблюдается только в двух погребениях V—IV и IV—III веков до н. э. В VI и VI—V веках сожжений не найдено в противоположность ранним некрополям таких городов, как Пантикапей, Ольвия, отчасти Фанагория и особенно поселения на о. Березань. Обряд сожжения наблюдается двух типов: в могиле и вне могилы с последующим захоронением праха в урне.

Ориентировка погребенных довольно устойчива. В основном преобладает положение покойника головой на восток с отклонением на север и юг. В редких случаях отмечается южная (в VI—V, V—IV вв. до н. э., I—III вв. н. э.), юго-западная (в V—IV вв. до н. э.), северная (в IV—III вв. до н. э.) и северо-западная (IV—III вв. до н. э., I—III вв. н. э.).

Основное положение костяка, наблюдающееся во всех типах могил и во все эпохи, вытянутое, на спине, с вытянутыми руками и ногами.

В могилах VI—V веков до н. э. находились одиночные погребения, с V—IV веков в одной могиле начинают погребать до трех покойников. Этот обычай в IV—III веках до н. э. становится более распространенным. Увеличивается количество могил с повторными погребениями и количество костяков, положенных в могилу. Повторные погребения наблюдаются во всех типах могил, но особенно в сырцовых. Характерно, что при повторных погребениях костяки не клались один на другой, что имело место в некоторых периферийных некрополях Европейского Боспора, а сдвигались вместе с инвентарем в сторону. С появлением и распространением

склепов повторные погребения в могилах другого типа становятся менее частыми, а в I—III веках н. э. они наблюдаются только в склепах. Повторность погребений представляет одну из особенностей погребального обряда Тузлинского некрополя, роднящую его с некоторыми некрополями периферийных поселений Европейского Боспора (у мыса Зюк, Кюль-Тепе, Кыз-аул), у населения которых были сильны традиции, уходящие корнями в патриархально-родовой строй.

В могилах VI—V веков до н. э. часто наблюдается под костяком подстилка из морской травы, а в IV—III веках главным образом подсыпка из морского песка. В могилах первых веков н. э. этот обычай исчезает.

Погребения в саркофагах и гробах редки. Они наблюдаются с рубежа VI—V веков в могилах типа земляных ям, плитовых и изредка сырцовых. С первых веков н. э. погребения в гробах и саркофагах отмечаются только в склепах.

Напутственная пища в могилах встречалась редко. Обычай класть в чашки кусок бараньего мяса наблюдается также у меотов и сарматов. Сочетание такой напутственной пищи с многократными погребениями в сырцовой могиле дает довольно яркую характеристику туземного погребального обряда IV—III веков до н. э.

Инвентарь Корокондамского некрополя состоял в основном из керамики, как привозной, так и местной, позднее стекла, предметов украшения, оружия. Инвентарь и в первую очередь керамика размещалась по отношению к погребенному в различных положениях; оружие же, зеркала и различные украшения, такие как бусы, браслеты, фибулы, — более определено.

Вещей из драгоценных металлов в Корокондамском некрополе сравнительно немного. Украшения из серебра и золота чаще встречаются в погребениях VI—IV веков до н. э. С IV—III веков эти же типы украшений заменяются поделками из бронзы, иногда обтянутыми золотом. При погребениях в склепах (первые века н. э.) находят очень немногочисленные вещи из золота, преимущественно золотой фольги. Наиболее богатыми погребениями были женские, так как в них, помимо керамики, находились предметы украшений.

Характерной особенностью Тузлинского некрополя является крайне ограниченное количество такого палеострического инвентаря, как стригили (одна могила V—IV вв. и одна могила IV—III вв. до н. э.), и очень большое количество погребений с оружием, которые встречались уже с рубежа VI—V веков (29%) и в V—IV веках до н. э. (32%). В это время погребения воинов совершались в могилах различного типа. К III веку до н. э. погребения воинов в этом некрополе совсем не встречаются. В I—III веках н. э. костяки с оружием были найдены только в склепах. По большому количеству погребений с оружием некрополь Корокондамы находит аналогию в некрополе у станицы Елизаветовской, в дельте Дона, характер которого отличался негреческими чертами.

В некоторых женских погребениях V—III веков до н. э. встречаются стрелы, что заставляет вспомнить известный рассказ Платона о сарматах — стрелках из лука. По-видимому, ритуал положения стрел в могилу женщины связан с обычаями северочерноморских народов и его следует отнести к негреческому погребальному обряду.

Смешанность погребального обряда следует видеть и в тех могилах V—IV веков, где наряду с типичным инвентарем женского погребения содержался стригиль.

Для детских погребений Тузлинского некрополя совсем не характерно

наличие терракот, что сближает его больше с некрополями малых городов и небольших поселений Боспора, чем его крупных городов (например, Пантикапея), и Северного Причерноморья в целом (например, Ольвии).

Монеты в могилах некрополя появляются с IV века до н. э. В первых веках н. э. обычай класть деньги покойному в Корокондамском некрополе постепенно исчезает, и только редкие могилы содержат монеты этого времени. В Пантикапейском, Херсонесском некрополях такого явления не наблюдается.

У населения Корокондамы довольно рано появляется обычай ставить над могилой стелу, который сохраняется и в I веке н. э. Некоторые надгробия относятся к редкому типу намогильных памятников не только Боспора, но и всего Северного Причерноморья.

Некрополи городов Боспора имеют много общих черт, но в то же время каждый из них имеет свои характерные черты и свое развитие, отражающие историю города или поселения, с которым они были связаны. Изучение Тузлинского некрополя позволяют сказать, что население Корокондамы одним из первых на Таманском полуострове завязало торговые связи с греками. Вероятно, Корокондама одновременно с другими городами Азиатского и Европейского Боспора вошла в состав археанактидовского государства и проводила его политику, участвуя в покорении меотских племен Прикубанья. Военизация жизни населения Корокондамы, в V—IV веках до н. э. сказалась на увеличении количества погребений с оружием.

Социальное расслоение населения Корокондамы нашло отражение в выделении в V веке до н. э. курганного некрополя, где погребали местную знать, в то время как в грунтовом могильнике хоронили рядовых жителей. При этом погребальный инвентарь, устройство могил в грунтовом могильнике указывают, что имущественное положение покойных было неодинаково. Однако в VI—III веках до н. э. резкой дифференциации населения не наблюдается. Социальные изменения первых веков н. э. приводят к выделению отдельных наиболее богатых семей, которые сооружают в грунтовом некрополе земляные склепы и имеют возможность положить в могилу своих родственников богатый инвентарь. Вполне возможно, что большая часть этих семей состояла из новых пришельцев Боспора — сарматов.

Население Корокондамы в этническом отношении не оставалось неизменным. В VI—IV веках до н. э. наряду с синдами там жили ионийские греки. За счет первых можно отнести такие черты погребального обряда, как сырцовые могилы, их деревянное перекрытие, оружие в могилах. С III века до н. э. состав населения становится более пестрым, так как вливаются меото-сарматы, принесшие с собой новую форму погребальной архитектуры (подбойная могила) и новые черты погребального ритуала (положение покойного головой на юг, наличие предметов оружия в женских могилах, напутственная мясная пища, замазывание перекрытия гробниц слоем глины и участвовавшие случаи погребения мужчин с оружием). Эпиграфические источники свидетельствуют, что в Корокондаме в это время проживали еще и выходцы из городов Южного Причерноморья.

Подбор инвентаря в Тузлинском некрополе не позволяет дать полную характеристику хозяйства жителей Корокондамы. Однако расположение этого поселения на плодородных землях дает основание полагать, что в хозяйстве имело большое значение земледелие и скотоводство, а также

рыболовство, поскольку Корокондама находилась на берегу богатого рыбой залива.

Наряду с этим в Корокондаме было, вероятно, развито производство бытовых вещей (например, посуды), а также домашнее мастерство — ткачество, — о чем свидетельствуют пряслица, найденные в женских могилах.

Хозяйство Корокондамы с V века до н. э. было основано на рабовладении, что засвидетельствовано эпиграфическими источниками.

С VI века до н. э. и позднее Корокондама поддерживала экономические связи с внешним рынком: сначала с ионийскими центрами, затем с Аттикой и городами Малой Азии. О торговых связях Корокондамы с городами Боспора говорят пантикапейские и фанагорийские монеты второй половины IV и III века до н. э., а также продукция фанагорийских керамических мастеров.

В первые века до н. э. некрополь Корокондамы значительно сокращается, что свидетельствует об уменьшении населения, вызванным, вероятно, невыгодным расположением города, в первую очередь отсутствием в силу географических условий собственного порта, а также возвышением к IV веку до н. э. Гермонассы, Фанагории, Горгиппии. Конкуренция с ними постепенно ухудшила к первым векам до н. э. экономическое положение Корокондамы. Кроме того, ослаблению городов Боспора и, в частности, Корокондамы способствовали события II века до н. э., войны Митридата VI Евпатора, междоусобная борьба боспорских династий. Несмотря на постепенный упадок жизни в Корокондаме, ее торговые связи в III—I веках до н. э. с Аттикой, городами Малоазийского побережья Черного моря (Синопой и Амисом в I в. до н. э.), а также Азиатского Боспора, как, например, Горгиппией, все же не прекращаются.

Некрополь первых веков н. э. дает основание полагать, что Корокондама не пережила подъема экономики и культуры как это было в ряде городов Боспора и прежде всего в Пантикапее. Это, по-видимому, дало основание Страбону назвать современную ему Корокондаму деревней.

Как населенный пункт Корокондама просуществовала от VI века до н. э. по крайней мере до середины IV века н. э.

Мы не можем на имеющемся материале проследить с достаточной точностью время окончательной гибели поселения, однако несомненно, что жизнь в нем прекратилась в период, когда все Боспорское государство клонилось к упадку и, наконец, во второй половине IV века н. э. прекратило свое существование под ударами кочевнических орд — гуннов. Видимо, Корокондама разделила участь многих и более крупных поселений государства. В средневековое время поселения здесь уже не было.

К ВВЕДЕНИЮ

¹ Архив ЛОИИМК, д. № 21 за 1851—1852 гг.; К. Герц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г. М., 1876, стр. 48—50; ОАК за 1886 г. СПб., стр. CIV.

² ИАК, вып. 2. СПб., 1902, стр. 58.

³ ИАК, вып. 56. Спб., 1914, стр. 21—58.

ОАК за 1913—1915 гг. Спб., стр. 140—146; Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1913 г.

⁴ Архив ЛОИИМК, д. № 350 за 1913 г.

⁵ В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, Симферополь, № 56, 1919, стр. 48.

⁶ Архив ЛОИИМК, д. № 93 за 1940 г.

⁷ И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1954, стр. 156—158.

⁸ Архив ЛОИИМК, д. № 350 за 1913 г., стр. 23.

⁹ Например, летом 1956 г. рыбаками были найдены два сосудика. Один передан ими в Темрюкский музей, другой — в ГИМ.

¹⁰ Коллекция из раскопок В. В. Шкорпила хранится в ГИМе под инвентарным номером 49472.

¹¹ Специальной литературы по исследованию Тузлинского некрополя нет. Краткая характеристика его дана М. И. Ростовцевым (Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 282 и далее) и А. П. Смирновым (К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Кабардинский научно-исследовательский ин-т. Ученые записки, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 65—91). А. П. Смирнов использует материалы могильника для широких выводов о сложении одной из северокавказских народностей. Несмотря на ряд неточностей, допущенных автором при характеристике некрополя, заслуга этой статьи в том, что Таманский полуостров рассматривается в связи с историей Северного Кавказа.

К главе I

¹ ИАК, вып. 56. Спб., 1914, мог. 165(120), 121(76). Раскопки В. В. Шкорпила 1911 г. В дальнейшем могилы, раскопанные им, будут обозначаться так: номер могилы Ш. 1911 или номер могилы Ш. 1913, без ссылки на ИАК, вып. 56, и Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1913.

Могилы 2. Раскопки В. Н. Глазова в 1913 г. Архив ЛОИИМК, д. № 350 за 1913 г. В дальнейшем могилы, раскопанные В. Н. Глазовым, будут обозначаться так: номер могилы Г. 1913, без ссылки на Архив ЛОИИМК.

² 168(123), 66 (21) Ш. 1911.

³ 1,1,2Ш.1913.

⁴ 179(134)Ш.1911.

⁵ За исключением погребения 2Г.1913. Нам представляется, что оно было или ограблено, или могила рубежа VI—V вв. до н. э. перекрыла могилу конца VII—начала VI в. до н. э.

⁶ 168(123), 179(134)Ш.1911; 2Ш.1913.

⁷ 2Ш.1913.

⁸ К. Kinch. Fouilles de Vroulia (Rodes). Berlin, 1914, стр. 139, сл.; Н. Dragendorff. Thera. II, стр. 195, рис. 388; С. И. Капошина. Из истории колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 229, рис. 9, 1, 2; Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 231, рис. 2.

⁹ К. Kinch. Указ. соч., табл. 3—9 и т. д.

¹⁰ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 229; Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 96, 102, рис. 8.

¹¹ Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. Древности. Труды императорского Московского археологического общества, т. XXV. М., 1916, стр. 58 и далее; С. Руднева. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской. ИАК, вып. 45. СПб., 1912, стр. 104 и далее; Н. Эрман. Ионийская амфора с Таманского полуострова. ИАК, вып. 45, СПб., 1912, стр. 92 и далее; В. В. Шкорпила удалось установить, что амфоры, опубликованные С. Рудневой и Н. Эрман, были найдены у м. Тузла (Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1916 г.; ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 1). М. И. Ростовцев (Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 283) говорит об этих сосудах как происходящих из Тузлинского некрополя. Сообщение Б. В. Варнеке о вазе, найденной в районе Тамани. ЗООИД, т. XXXII, стр. 134—137. Т. Н. Книпович. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря. ИГАИМК, т. V. Л., 1927, стр. 85—101.

¹² К. Kinch. Указ. соч., табл. 7, 2; Н. Prinz. Funde aus Naukratis. Leipzig, 1908, стр. 81 и далее; J. Böhlau. Aus ionischen und italischen Nekropolen. Leipzig, 1898, табл. VIII, 22, 21.

¹³ Архив ЛОИИМК, д. № 151 за 1938 г., погребения 3, 4, 16; Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 239, 240; Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. Древности, т. XXV. М., 1916, стр. 58, примеч. 1.

¹⁴ Б. В. Фармаковский. Указ. соч., стр. 58.

¹⁵ Архив ЛОИИМК, д. 151 за 1938 г., например, погребение 3

¹⁶ К. Kinch. Указ. соч., табл. 5, 2; 6, 2; 7, 2 и т. д.

¹⁷ ИАК, вып. 60. СПб., 1916, рис. 1—4; С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, рис. 11, 2; Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища, СА, VI, 1940, рис. 3, Архив ЛОИИМК, д. № 865 за 1931 г., мог. 13, 15; д. № 151 за 1938 г., мог. 3; д. № 93 за 1940 г., мог. 1.

¹⁸ Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. Древности, т. XXV, М., 1916, стр. 58, табл. XI.

¹⁹ ИАК, вып. 17, СПб., 1904, рис. 23.

²⁰ Н. Раупе. Necrocorinthia. A Study of corinthian art in the archaic Period. Oxford, 1931, стр. 321, рис. 162.

²¹ Б. В. Фармаковский. Указ. соч., стр. 58.

²² С. И. Капошина. Указ. соч., рис. 13, 3.

²³ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 232, рис. 12.

²⁴ И. Малев. Коринфские арибаллы с растительными орнаментами из Ольвии. ИАК, вып. 54, СПб., 1914, стр. 83 и далее.

²⁵ Раскопки 1938 г. Архив ЛОИИМК, д. № 151 за 1938 г.

²⁶ R. M. Wiggows and P. N. Uge. Excavations at Rhitsona in Beotia. JHS, v. XXIX, 1909, стр. 309, 310; Н. Раупе. Указ. соч., стр. 287, 303, 320.

²⁷ И. Малев. Указ. соч. R. M. Wiggows and P. N. Uge. Указ. соч.

²⁸ Н. Раупе. Указ. соч., стр. 331.

²⁹ Собр. ГИМ. Инв. № 55765 (81). Инв. № 36519 (252).

³⁰ ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 141, рис. 224-а, 224-б; Arch. Anz., 1912, стр. 338, рис. 22.

К главе II

¹ Устройство двух могил V в. (18, 20 Г. 1913) и двух могил конца VI — начала V в. из раскопок В. В. Шкорпила 1911 г. в отчетах не описывалось, так как они были разграблены и разрушены. По-видимому, эти могилы являлись земляными ямами. Но мы не можем говорить об этом с уверенностью.

- ² ИАК, вып. 8, СПб., 1903, рис. 11-а и 11-б.
- ³ ИАК, вып. 56, СПб., 1914; например, могилы 215(33), 224(42) и т. д.
- ⁴ ОАК за 1886 г. СПб., 1891, стр. CIV; Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1913 г.
- ⁵ ИАК, вып. 60, СПб., 1916, стр. 33, могила 65(2).
- ⁶ ИАК, вып. 2, СПб., 1902, могилы 1, 3, 6.
- ⁷ М. М. Кобылина. Раскопки южного некрополя Фанагории в 1947 г. МИА, № 19, 1951, могила 25(193).
- ⁸ ОАК за 1875 г. СПб., 1878, стр. IV и далее; ОАК за 1876 г. СПб., 1879, стр. III и далее; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 352 и далее.
- ⁹ ОАК за 1879 г. СПб., 1881, стр. XIII.
- ¹⁰ Раскопки К. Р. Бегичева в 1852 г. Архив КАМ, д. № 17.
- ¹¹ ОАК за 1880 г. СПб., 1882, стр. XII.
- ¹² ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 65.
- ¹³ Об этом свидетельствуют бараньи кости, лежавшие в чашках Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1913 г.; ИАК, вып. 56., СПб., 1914, стр. 52, могила 162 (117), стр. 62, могила 209 (27).
- ¹⁴ ОАК за 1885 г. СПб., 1891, стр. XXXV—XXXVI.
- ¹⁵ ОАК за 1880 г. СПб., 1882, стр. XII.
- ¹⁶ В. Д. Блаватский. Второй год работы в Синдике. КСИИМК, вып. 51, 1934, стр. 154.
- ¹⁷ В опубликованных отчетах о раскопках Ольвийского некрополя есть только одно упоминание об открытии сырцово-глиняной гробницы II в. до н. э. (ИАК, вып. 8, СПб., 1903, стр. 18, рис. 11-а и 11-б). Сырец употреблялся в Ольвии для сооружения закладов в подбойных могилах IV и последующих веков, а не для устройства самих гробниц.
- ¹⁸ F. Poulsen. Die Dipylongräber und die Dipylonvasen. Leipzig, 1905, S. 21.
- ¹⁹ J. Zehetmaier. Leichenverbrennung und Leichenbestattung im alten Hellas. Leipzig, 1907, стр. 130—132.
- ²⁰ К. Герц. Исторический обзор открытий на Таманском п-ве с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876, стр. 60.
- ²¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 281.
- ²² Например, в тузлинском некрополе есть гробница, сложенная из камня, добытого из скалистого хребта, который тянется от станицы Таманской до мыса Тузла (ИАК, вып. 56, СПб., 1914, могила 111(66)).
- ²³ Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. Античные города Северного Причерноморья. Очерк истории и культуры. Л., 1955, стр. 213.
- ²⁴ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 38 и далее.
- ²⁵ Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, 1910, стр. 103.
- ²⁶ 2 Г. 1913. См. настоящую работу, примеч. 5 к гл. I.
- ²⁷ J. Böhlau. Aus ionischen und italischen Nekropolen. Leipzig, 1898, S. 12; E. Pfuhl. Der archaische Friedhof am Stadtberge von Thera. Athen, 1903, S. 257. Все три типа сожжений наблюдались также в некрополе Пантикапея. См. А. С. Линевич. О керченских гробницах. Пропилеи. Сб. статей по классической древности, кн. IV, 1854, стр. 548.
- ²⁸ F. Poulsen. Die Dipylongräber und die Dipylonvasen. Leipzig, 1915, S. 1.
- ²⁹ Ef. Arch., 1910, стр. 140, рис. 24.
- ³⁰ В ольвийском некрополе была обнаружена площадка, на которой происходили сожжения. ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 36—37.
- ³¹ Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951, стр. 64.
- ³² E. Pfuhl. Der archaische Friedhof am Stadtberge von Thera. Athen, 1903, стр. 141 и далее. ИАК, вып. 8, СПб., 1903, стр. 73, 78, 79; СГАИМК, т. I, 1926, стр. 182; СА, IX, 1947, стр. 18.
- ³³ ИАК, вып. 54, СПб., 1914, стр. 70, надпись № 3; стр. 78—79, надпись № 9; ИАК, вып. 45, СПб., 1912, стр. 13, надпись № 5.
- ³⁴ Надгробие было найдено около юго-восточного угла южного кордона, где сгруппированы могилы V—IV веков до н. э.
- ³⁵ В. Д. Блаватский. Рабство в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1954, стр. 50.
- ³⁶ Стела — прямоугольная каменная плита с завершением в виде фронтона или орнамента.
- ³⁷ А. Ашик. Веспорское царство, т. III. Одесса, 1848—1849, стр. 56, рис. СХVН, СХIХ.
- ³⁸ Длина — около 1 м, высота — около 50 см, толщина — от 15 до 22,5 см.

- ¹ 5, 9, 12, 15 Г.1913; 61(16) Ш. 1911.
- ² 123(78), 124(79), 153(108), 156(111), 161(116), 87(42) Ш.1911.
- ³ 170(125), 171(126) Ш.1911; 11 Г.1913.
- ⁴ 10, 19, 17 Г.1913; 1 Ш.1913.
- ⁵ 92(47), 94(49), 105(60), 107(62), 108(63), 109(64), 110(65), 112(67), 117(72), 152(107), 167(122), 113(68) Ш.1911.
- ⁶ 118(73), 119(74) Ш.1911.
- ⁷ 84(39), 127(75), 150(105), 157(112), 56(11) Ш.1911.
- ⁸ 97(52), 178(133) Ш.1911.
- ⁹ 149(104), 151(106) Ш.1911.
- ¹⁰ 9, 12 Г.1913.
- ¹¹ 123(78), 170(125), 171(126) Ш.1911; 10 Г.1913.
- ¹² 15 Г.1913.
- ¹³ 124(79), 107(62), 151(106), 149(104), 170(125) Ш.1911.
- ¹⁴ 84(39), 160(115), 170(125), 171(126) Ш. 1911; 10 Г.1913.
- ¹⁵ 170(125) Ш.1911.
- ¹⁶ 15 Г.1913; 113(68) Ш.1911.
- ¹⁷ 124(79) Ш.1911.
- ¹⁸ 118(73) Ш.1911.
- ¹⁹ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, вып. 54, СПб., 1914, стр. 79.
- ²⁰ Дромос — вход в склеп в виде длинного коридора.
- ²¹ Размещение вещей и подбор инвентаря в могилах рубежа VI—V вв. и V—IV вв. до н. э. имеет много общих черт. Поэтому инвентарь этого времени мы будем рассматривать одновременно.
- ²² 73(28), 47(2), 155(110), 53(8), 99(54) Ш.1911; 7, 8, 14, 20, 21 Г.1913.
- ²³ 5, 9, 10, 12, 15, 17, 19 Г.1913; 97(52) Ш. 1911.
- ²⁴ Например, 78(28) Ш.1911.
- ²⁵ 109(64) Ш.1911.
- ²⁶ И. Б. Зеест. Внутренняя торговля Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 113.
- ²⁷ 54(9), 70(25), 177(32), 133(77), 86(41), 181(136), 98(53), 93(48), 50(5), 99(54) Ш.1911; 7, 2 Г.1913.
- ²⁸ 61(16), 92(47), 105(60), 107(62), 108(63), 118(77), 120(75), 147(102), 160(115), 151(106), 149(104), 113(68), 56(11) Ш. 1911.
- ²⁹ 93(48) Ш.1911; 7 Г.1913.
- ³⁰ 108(63) Ш.1911.
- ³¹ 133(88) Ш.1911.
- ³² 86(41) Ш.1911.
- ³³ 54(9), 70(25), 92(47) Ш.1911; 2 Г.1913.
- ³⁴ 177(132), 181(136), 98(53), 61(16), 107(62), 160(115), 151(106), 149(104) Ш.1911.
- ³⁵ 50(5) Ш.1911.
- ³⁶ 147(2) Ш.1911.
- ³⁷ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 67. Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 129, табл. 1.
- ³⁸ 99(54), 120(75) Ш.1911.
- ³⁹ Н. И. Соколовский. Указ. соч.
- ⁴⁰ Н. И. Соколовский. Указ. соч., стр. 128. Однако следует отметить, что положение меча поперек тела встречается в погребениях некрополей и за пределами Боспора. С. И. Капошина считает, что ольвийские погребения с оружием и, в частности, с мечами, положенными поперек, принадлежали скифскому населению Ольвии. Она же приводит пример погребения с поперек положенным мечом на территории Болгарии (С. И. Капошина. Погребение Скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 206, 213).
- ⁴¹ Н. И. Соколовский. Указ. соч., стр. 137.
- ⁴² 54(9) Ш.1911.
- ⁴³ 147(102) Ш.1911.
- ⁴⁴ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. 1888—1902. СПб., 1908. Например, курган 423.
- ⁴⁵ В. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 109.
- ⁴⁶ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 67.
- ⁴⁷ 99(54), 98(53), 118(73) Ш.1911.
- ⁴⁸ Алабастры встречались, например, в женских погребениях V—IV вв. до н. э.

Афинского и (А. Вгюескнер und E. Pernice. Ein attischer Friedhof. AM XVIII, могилы 33, 87 и т. д.) Пантикапейского некрополей (ОАК за 1859 г. СПб., 1862, стр. 6—15; ОАК за 1860 г. СПб., 1862, стр. III и т. д.

⁴⁹ 150(105) Ш.1911.

⁵⁰ 55(10) Ш.1911.

⁵¹ Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России. МАР, № 34, 1914, табл. XIV, 2, стр. 27.

⁵² Б. В. Фармаковский. Указ, соч.; А. И. Фурманская. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Автореферат. Киев, 1953, 1953, стр. 6 и далее.

⁵³ Привески найдены только в трех могилах V—IV вв.: 123(78), 73(28), 109(64) Ш.1911, а не в каждом женском погребении, как утверждал М. И. Ростовцев (Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 284).

⁵⁴ ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, рис. 51, рис. 107; А. И. Фурманская. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Автореферат. Киев, 1953; Филов. Новые находки при Дуванлии. ИБАИ, IV, рис. 16; JAI, 1888, стр. 198.

⁵⁵ Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, стр. 220.

⁵⁶ ИАК, вып. 17. СПб., 1905, стр. 9, примеч. 2.

⁵⁷ L. Pollak. Klassisch-antike Goldschmidarbeiten in besitze sk. Ex. A. J. Nelidow. Leipzig, 1903, табл. X, 210.

⁵⁸ 100(55) Ш.1911. — Могила конца VI—V в.

⁵⁹ Архив ЛОИИМК, д. № 51, 1938, №№ по описи: 18, 25, 35.

⁶⁰ 155(110) Ш.1911. — Могилы конца VI—V в. до н. э. 153(108), 105(60), 110(65), 147(102) Ш. 1911. — Могилы V—IV вв. до н. э.

⁶¹ 105(60) Ш.1911.

⁶² 124(79), 170(125) Ш.1911; 19 Г.1913.

К главе IV

¹ А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Кабардинский научно-исследовательский ин-т. Ученые записки, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 65 и далее.

К. Ф. Смирнов. Северский курган. Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры. Вып. XI. М., 1953.

² Hesperia, 1954, v. XXIII, № 1, tabl. 16.

³ А. Вгюескнер und E. Pernice. Ein attischer Friedhof. А.М. XVIII, стр. 43 и далее.

⁴ АМ, XXVIII, Hef 3—4, стр. 475.

⁵ А. А. Дирин. Мыс Зюк и сделанные в нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX. 1896, стр. 121 и далее.

⁶ Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Симферополь, 1954, стр. 7 и далее. Автореферат кандидатской диссертации.

⁷ Исключение представляет деревянный саркофаг, найденный в мавзолее Неаполя. П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953 стр. 25 и далее.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 179.

⁹ Там же, стр. 510, примеч. 58.

¹⁰ Например, мог. 83 (ИАК, вып. 9. СПб., 1904, стр. 88); мог. 78 (там же) и т. д.

¹¹ А. Вгюескнер und E. Pernice. Ein attischer Friedhof. А.М. XVIII, 166 и далее, могила 7, 87 и т. д.

¹² Могилы 96, 97, 129, 148 и т. д. (ИАК, вып. 9, СПб., 1904).

¹³ ОАК за 1875 г. СПб., 1878, стр. X—XI; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 375.

¹⁴ ИАК, вып. 60. СПб., 1916, стр. 26—27.

¹⁵ ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 28—29, 130—133.

¹⁶ ОАК за 1878—1879 гг. СПб., 1881, стр. XIX.

¹⁷ ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 77.

¹⁸ ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 79—80.

¹⁹ ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 64—65; ИАК, вып. 1. СПб., 1902, стр. 60.

²⁰ ОАК за 1900 г. СПб., 1902, стр. 46—47, 104—108; ИАК, вып. 29, СПб., 1902, стр. 19.

²¹ ИАК, вып. 40, СПб., 1911, стр. 107, № 20.

²² В статье А. П. Смирнова «К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным» (Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та. Т. IV. Нальчик, 1948, стр. 73) ошибочно указывается, что у этого склепа был дромос. Нет также в описании могилы никаких сведений о том, что стенки дромоса были обложены сырцовым кирпичом.

²³ В остальных могилах ориентировка покойного в отчетах не указана.

- ²⁴ ОАК за 1886 г. СПб., 1891, стр. CIV.
- ²⁵ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 69.
- ²⁶ А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1894, т. II, стр. 104. Например, курган № ССХХХVI около урочища Колонтаевки.
- ²⁷ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 4, стр. 109; М. И. Вязмитинова. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Вопросы скифо-сарматской археологии по материалам конференции ИИМК АН СССР. 1952, стр. 241, 243.
- ²⁸ Платон. Законы, кн. 7, гл. II. ВДИ, 1947, № 2, стр. 348.
- ²⁹ М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951, стр. 136 и далее.
- ³⁰ Полиен. Военные хитрости, VIII, 55. ВДИ, 1947, № 4.
- ³¹ Herod., IV, гл. 110 и далее.
- ³² К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. ҚСИИМК, XVI, 1952, стр. 13.
- Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 205, примеч. 2.
- ³³ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 168—169, 205.
- ³⁴ М. М. Кобылина. Раскопки «восточного» некрополя Фанатории в 1948 г. МИА, № 19, 1951, стр. 242, 249.
- ³⁵ ИАК, вып. 25. СПб., 1907, стр. 7, мог. № 19 конца III — начала IV в. н. э.; МИА, № 4, 1941, стр. 61, склеп № 1, II в. н. э.; стр. 63, склеп № 3, II в. н. э. и т. д.
- ³⁶ ИАК, вып. 17. СПб., 1905, стр. 93, рис. 30.
- ³⁷ F. Poulsen, Die Dipylogräber und die Dipylyonvasen. Leipzig, 1905, S. 22.
- ³⁸ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 45.
- ³⁹ Следует указать, что в Афинском некрополе V—IV вв. до н. э. в женских погребениях находили бронзовые зеркала иного типа — в виде круглого диска, снабженного шипом, который насаживался на деревянную или костяную ручку (A. Вгвескнер und E. Pernice. Ein attischer Friedhof. А.М., XVIII, стр. 166 (мог. 87), стр. 168 (мог. 33). Диаметр этих зеркал близок к диаметру зеркал из Тузлинского некрополя.
- ⁴⁰ ОАК за 1886 г. СПб., 1891, стр. CIV.
- ⁴¹ Монеты с изображением Пана и лука в горите, Пана и Пегаса А. Н. Зограф относит к 370—340 гг. до н. э. Д. Б. Шелов (Монетное дело на Боспоре VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 100—102) пересмотрел эту датировку. Он считает, что монеты должны относиться к несколько более позднему времени, к 30—25 годам IV в. до н. э.
- ⁴² Т. Н. Книпович. Художественная керамика. Античные города Северного Причерноморья. Очерк истории и культуры. Л., 1955, стр. 376, рис. 18.
- ⁴³ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 168, примеч. 1; Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 214, рис. 15, 3, стр. 218, примеч. 2.
- ⁴⁴ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии наук в 1928 г. ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 131.
- ⁴⁵ Там же, рис. 35.
- ⁴⁶ ИАК, вып. 56. СПб., 1914, стр. 37, рис. 17.
- ⁴⁷ Подобные терракотовые статуэтки, изображающие Афродиту Пандамос, были найдены в некрополе Мирины. (Pottier et S. Reinach. Le nécropole de Myrina. Paris, 1888, v. 2, tabl. VI).
- ⁴⁸ ИАК, вып. 56. СПб., 1914, стр. 37, ссылка 1.
- ⁴⁹ Найдена В. В. Шкорпиллом в 1913 г. Однако могила, в которой она была обнаружена, остается неизвестной (ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 140).

К главе V

- ¹ И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, рис. 31, стр. 57.
- ² Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 4, стр. 105; И. В. Сеницын. Указ. соч., стр. 34.
- ³ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 298.
- ⁴ Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 142, рис. 4.
- ⁵ 3Ш 1913, 164(119) Ш. 1911.
- ⁶ 78(33), 122(77), 124(91), 127(82), 71(26), 72(27), 81(36), 82(37) Ш. 1911.
- ⁷ 140(95), 143(98), 68(23) Ш. 1911.
- ⁸ 139 (94) Ш. 1911.

⁹ 69(24) Ш.1911.

¹⁰ 114(69)Ш. 1911.

¹¹ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории 1936—1937. ТГИМ, вып. 16. М., 1941, стр. 25—26.

¹² Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 73.

¹³ 91(46) Ш. 1911.

¹⁴ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 79.

¹⁵ ИАК, вып. 8. СПб., 1903, стр. 85.

¹⁶ 69(29), 72(27), 81(36) Ш.1911.

¹⁷ Благодаря хорошо сохранившемуся деревянному перекрытию удалось установить глубину залегания могилы, а также и ее глубину, которая в различные века не оставалась неизменной. Сравнить могилы Тузлинского некрополя с могилами других некрополей в этом плане невозможно, так как глубину могил трудно определить. Поэтому в отчетах обычно приводится глубина залегания дна могилы от современной поверхности.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 201, 212.

¹⁹ ИАК, вып. 30. СПб., 1909, стр. 12, могила 38.

²⁰ ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 65.

²¹ 140(95), 139(94) Ш. 1911.

²² 140(95) Ш. 1911.

²³ 72(27), 139(94) Ш.1911.

²⁴ Обнаружена В. В. Шкорпилом в насыпи некрополя (рапорт от 14 февраля 1914 г., № 17. Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1914 г.). М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 180—181, рис. 7, 3. Эту статую следует отнести к рубежу I в. до н. э. — I в. н. э., а не к эллинистическому времени. Тем более, что М. М. Кобылина приводит памятник I в. н. э., аналогичный тузлинской скульптуре.

Фотография этой скульптуры приводится также в статье М. И. Максимовой и М. А. Наливкиной. Скульптура. «Античные города Северного Причерноморья». Очерк истории и культуры. Л., 1955, стр. 315, рис. 28.

²⁵ Возможно, что найденные около рук бусы являлись украшением рукавов одежды. Бусы, найденные около рук, встречаются в сарматских погребениях III—I вв. до н. э. Нижнего Поволжья. И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов. 1947, стр. 38, 40 и др.

²⁶ Нередко в могилах, датированных монетами, находят вещи более раннего времени. Например, в могиле I в. до н. э. (64(49) Ш.1911) было найдено чернолаковое блюдо, а в могиле IV—III вв. — ионийский аск VI—V вв. до н. э.

²⁷ Миски К 646/6, К 646/4, К 617/1 хранятся в Керченском музее среди материалов из раскопок В. В. Шкорпила в 1911 г. на Таманском полуострове. Более точного паспорта они не имеют.

²⁸ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1945 гг. МИА, № 25, 1952, рис. 2, 12.

²⁹ Т. Книпович. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädte an der Nordküste des Schwarzen Meeres. Materialien zur römisch-germanischen Keramik. Frankfurt, 1929, Abb. 12, 1, 2, 3.

³⁰ S. Loeschke. Sigillata-Töpfereien in Tschandarli. А.М., Band XXXVII, Taf. XXVIII, 1.

³¹ Т. Книпович. Указ. соч., стр. 29.

³² Т. Книпович. Указ. соч., рис. 3, 12 и табл. 1, 14.

³³ ОАК за 1891 г. СПб., 1893, стр. 149, рис. 187.

³⁴ ИАК, вып. 8, СПб., 1903, стр. 59, рис. 67.

³⁵ Раскопки В. Н. Ястребова в 1894 г. в Ольвии. ГИМ, инв. № 33176, (52).

³⁶ ИАК, вып. 2, СПб., 1902, могила 28.

К главе VI

¹ Количество могил в I—III веках н. э. стало по сравнению с IV—III веком до н. э. значительно меньше. Объяснить это можно двояко:

а) сокращение некрополя в первые века н. э. могло быть связано с постепенным уменьшением самого поселения и постепенным затуханием там жизни;

б) некрополь в I—III вв. мог быть перенесен несколько вглубь от морского берега; В. В. Соколов (В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников берега; В. В. Соколов. ИТУАК, 56; карта) указал, что возможно некрополь № 2 в р-не станицы Таманской. ИТУАК, 56; карта) указал, что возможно некрополь принадлежал тому же населенному пункту, что и тузлинский. Учет могил некрополя № 2, конечно, мог бы изменить картину развития тузлинского некрополя в первые века н. э. Но, поскольку остаются неизвестными ни количество, ни устройство, ни погребения

бальный инвентарь открытых могил из некрополя № 2, мы ограничимся только указанием на предположение В. В. Соколова.

² Случай замазывания деревянного перекрытия могилы глиной отмечены также в сарматских погребениях IV—II вв. до н. э. (Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов ВДИ, 1947, № 4, стр. 113).

³ С. И. Капошина. Погребения скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 212. Она же. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 168.

⁴ Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 67; В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 166.

⁵ 74(29), 75(30), 89(44) Ш. 1911. Устройство одной могилы неизвестно. Найдена В. В. Шкорпилом в 1913 г. Архив ЛОИИМК, д. № 4 за 1914 г.

⁶ 132(87), 85(40) Ш. 1911; 1 Г. 1916; 6 Г. 1913; три склепа, раскопанных в 1951 г.

⁷ И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 156 и далее.

⁸ 80(35), 138(93) Ш. 1911; два погребения в склепе 132 (87) Ш. 1911, 1 Г. 1916; три погребения в склепах из раскопок 1951 г.

⁹ И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 156.

¹⁰ ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 144, рис. 226.

¹¹ ИАК, вып. 2. СПб., 1902, стр. 42, рис. 1.

¹² И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 157.

¹³ Там же.

¹⁴ Н. И. Сокольский. Указ. соч., стр. 158, табл. VII, 1.

¹⁵ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1911 г. ИАК, вып. 45. СПб., 1912, стр. 12, № 3, 4. Одно надгробие с трехстрочной полустертой надписью происходит из раскопок К. Бегичева в 1852 г. Оно имело крышеобразное украшение. Сказать что-либо о его дате не представляется возможным. Надгробие было использовано для заклада.

¹⁶ На пантикапейских надгробиях, например, упоминаются уроженцы Пафлагонии, Синолы, Амастрии. IOSPE, II, № 298; ИАК, вып. 18, СПб., 1906, стр. 132, № 49; ИАК, вып. 14. СПб., 1905, стр. 124, № 47; ИАК, вып. 30. СПб., 1903, стр. 46, могила 161; Ю. Ю. Марти. Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора, сына Илиева. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927, т. I, стр. 121, № 1.

¹⁷ Н. Н. Бритова. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 54, 55.

¹⁸ Найдено В. В. Шкорпилом в насыпи некрополя. Рапорт 14 февраля 1914 г., № 17. Архив, № 4 за 1914 г.; А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 247, рис. 11.

¹⁹ А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия. СА, VII, 1941, стр. 118—119, рис. 11, 13.

²⁰ Л. А. Мацулевич. Керченская конференция археологов. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 271—286. Вещи хранились в Таманском музее и они погибли в числе прочих коллекций во время великой Отечественной войны.

К заключению

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 289.

² ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 3.

³ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 196, 204.

⁴ Страбон, гл. II, § 8, 9. ВДИ, 1947, № 4.

⁵ Безымянный автор (Псевдо-Арриан) 63. ВДИ, 1948, № 4, стр. 232.

⁶ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 286.

⁷ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 20.

⁸ IOSPE, II, Tabula utriusque orae Bospori cimmerii.

⁹ В. В. Соколов. Указ. соч.; карта.

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1948, стр. 195—196.

¹¹ E. Minns. Scythians and Greek. Cambridge, 1913, map. III и стр. 22—23.

¹² ИАК, вып. 56. СПб., 1914, стр. 2—3.

¹³ В. В. Соколов. Указ. соч., стр. 47.

¹⁴ Приносим благодарность В. Л. Болдыреву, научному сотруднику станции Ин-та океанологии АН СССР в Геленджике, за возможность познакомиться с его исследованиями изменения Таманских берегов и кос.

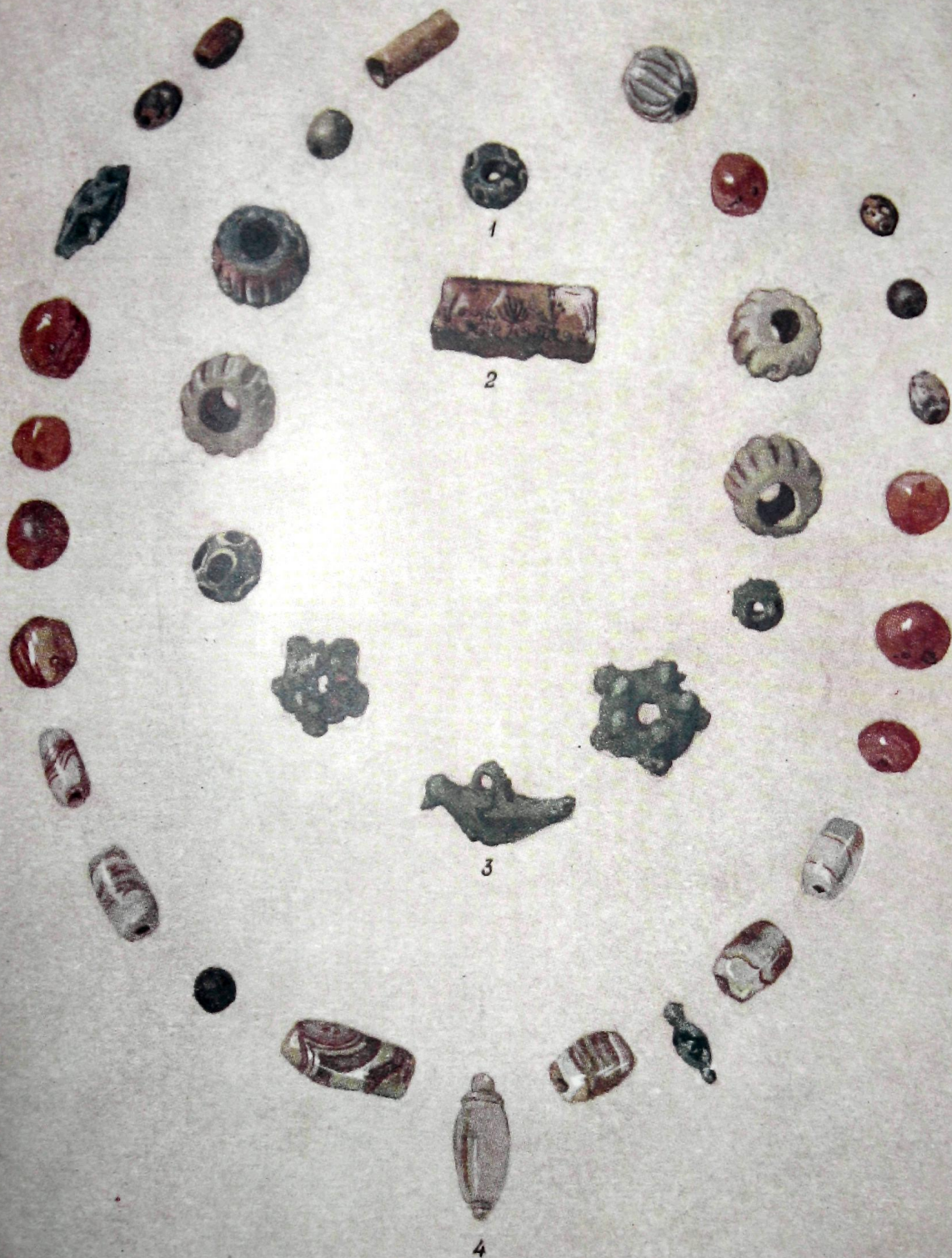
¹⁵ Можно привести данные, свидетельствующие о том, что нередко географические названия давались греками при освоении ими новых территорий по наиболее крупным населенным пунктам и наиболее значительным этническим признакам и т. д. Например, название Керченского пролива — по имени обитавших там когда-то киммерийцев Киммерийским, Азовского моря, по берегам которого жили меотские племена, — Меотидой, Керкинитидского залива — по названию города Керкинитиды и т. д.

¹⁶ Известно, что по имени этих городов назывались два острова — Фанагор и Гермонасса (Амт. Магс. XXII, 8, 30, SC, 1, стр. 266), что, конечно, отражает значительную роль, которую эти города играли на островах позднее.

¹⁷ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 512.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
 ГЭ — Государственный Эрмитаж.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИБАИ — Известия на болгарския Археологически институт.
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КАМ — Керченский историко-археологический музей.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
 МАР — Материалы по археологии России.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
 СА — Советская археология.
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
 ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея.
 Arch. Anz. — Archäologischer Anzeiger.
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
- Εf. A — Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική.
- JAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
 JHS — Journal of Hellenic Studies.
 IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini — В. В. Латышев.
 SC — Scythica et Caucasica. — В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. 1893—1906. Т. I. Греческие писатели.
-

1 — бусина (могила 104 (59) Ш. 1911); ГИМ; 2 — брусочек из пасты (могила 68 (23) Ш. 1911); ГИМ; 3 — нитка бус (могила 78 (33) Ш. 1911); ГИМ; 4 — нитка бус (могила 81 (36) Ш. 1911); ГИМ

Таблица 1

Милетская амфора; первая половина VI века до н. э. (могила 1 Ш. 1913); ГЭ.

Нонийская амфора; 560-е годы до н. э. ГЭ.

Таблица 3

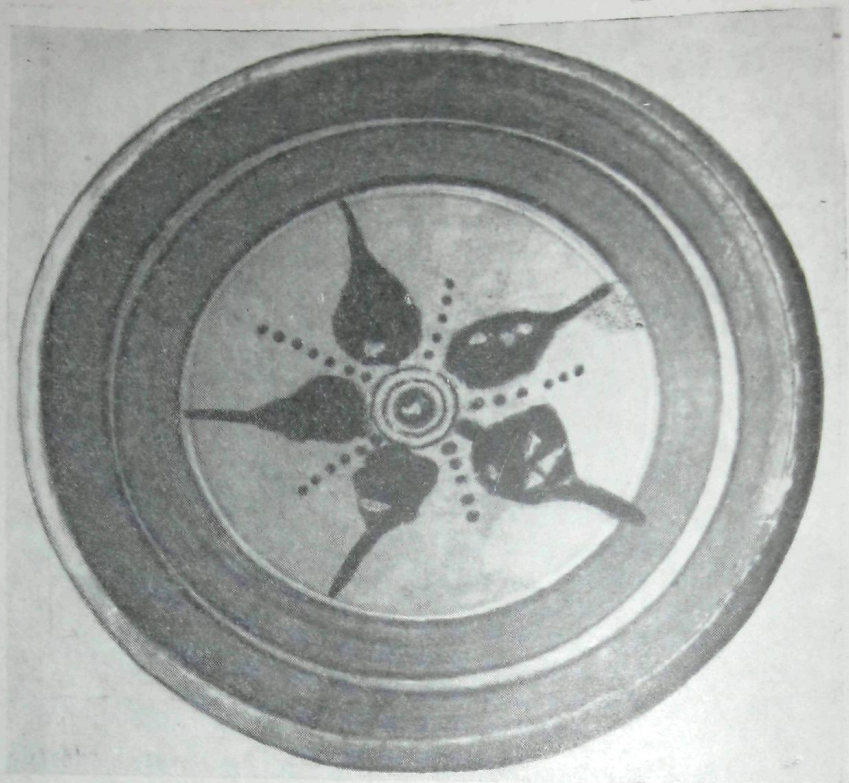
Ноийская амфора; середина VI века до н. э. ГЭ.

Ионийская амфора; вторая половина VI века до н. э. ГЭ.

Милетская амфора; середина первой половины VI века до н. э. ГЭ.

1 — родосская тарелка; вторая половина VI века до н. э.
(могила 66(21) Ш. 1911); ГЭ;

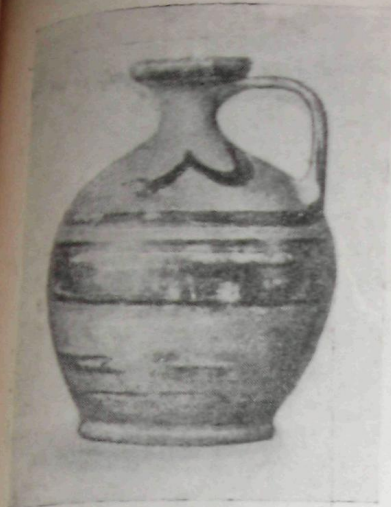
2 — коринфский арибалл;
конец VI века до н. э.; ГИМ;

3 — ионийский аск; конец VI—V ве-
ков до н. э. (могила 48(3) Ш. 1911);
ГИМ;

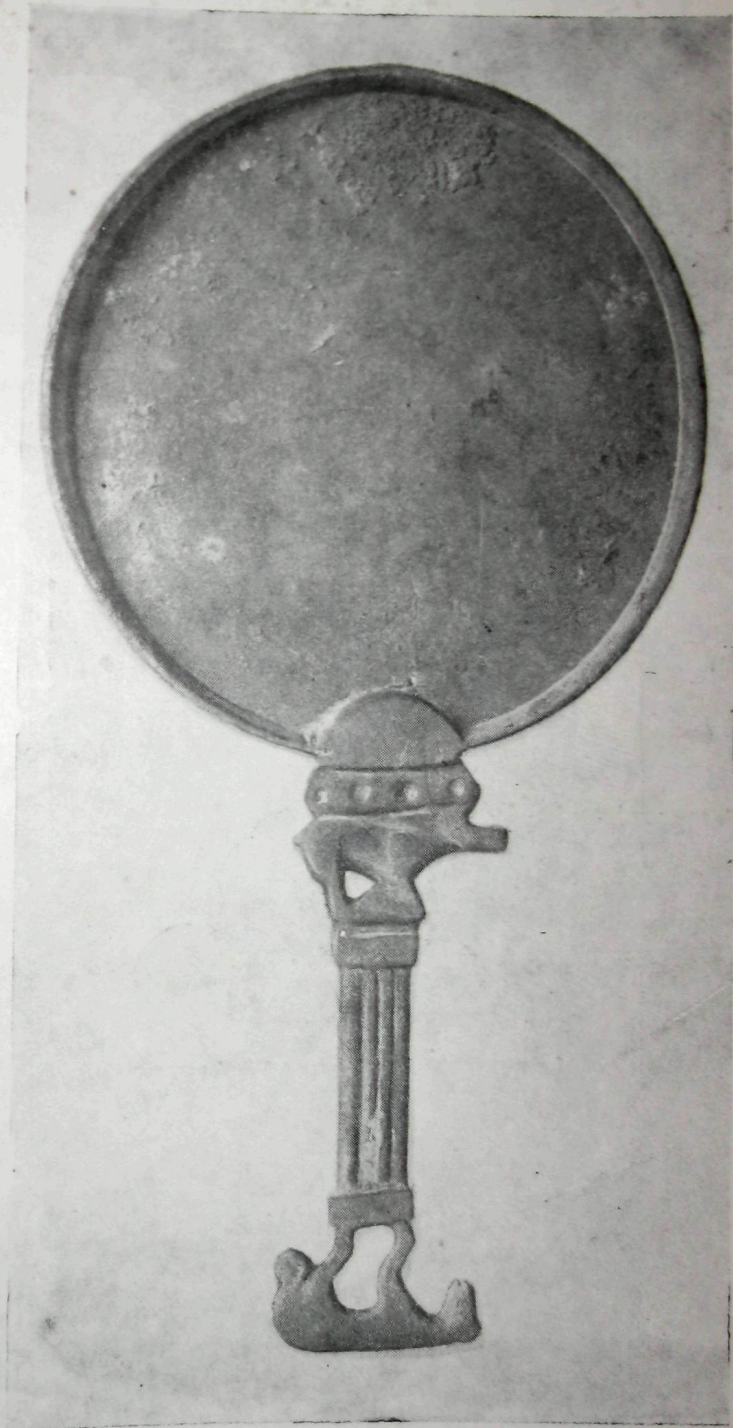
4 — ионийский аск; конец VI—V ве-
ков до н. э. (могила 50(5) Ш. 1911);
ГИМ;

1 — нонийский лекиф; первая половина VI века до н. э. (Ш. 1913); ГЭ;

2 — ольпа; третья четверть VI века до н. э. (могила 1 Ш. 1913); ГЭ;

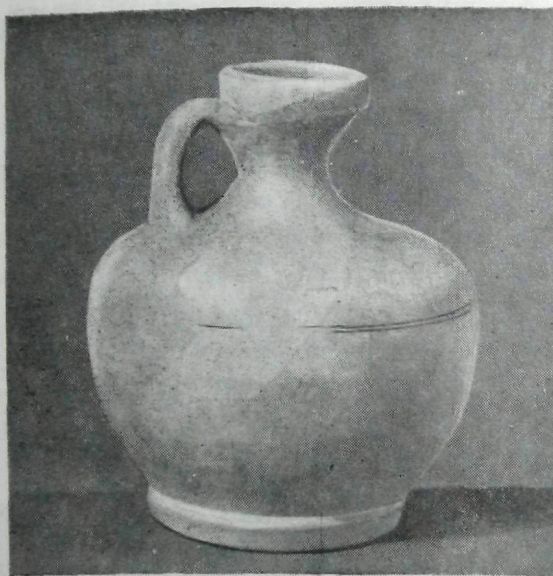
3 — бронзовое зеркало; рубеж VI—V веков до н. э. (могила 55 (10)Ш. 1911); ГЭ.

1 — ионийский килик; первая половина VI века до н. э. (Ш. 1913); ГЭ;

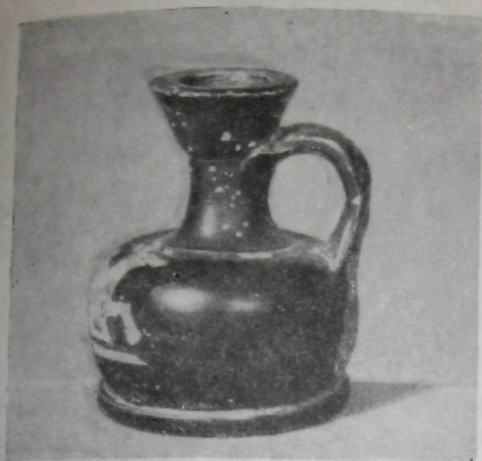
3 — Лекиф с чернофигурной росписью; начало V века до н. э. (могила 77(32) Ш. 1911); ГИМ;

2 — ионийский лекиф; конец VI—V веков до н. э. Покупка В. В. Шкорпила в 1911 году; ГИМ;

4 — килик с чернофигурной росписью; конец VI века до н. э. (Ш. 1913); ГЭ.

1 — лекиф с краснофигурной росписью;
конец V—IV веков до н. э. (могила 112(67)
Ш. 1911); ГИМ;

2 — лекиф с краснофигурной росписью;
конец V—IV веков до н. э. (Ш. 1911); ГИМ;

3 — чернолаковый киликс; первая половина V века до н. э. (могила 108(63) Ш. 1911); ГИМ.